

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Т. М. ГОЛУБКИНА М. А. КОВАЛЕВ

РОССИЯ И ЕВРОПА: ИСТОРИЯ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ

Учебное пособие

Владимир 2022

УДК 94(470)+94(4)
ББК 63.3(2)+63.3(4)
Г62

Рецензенты:

Кандидат исторических наук, доцент
зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Владимирский филиал)
М. В. Соколова

Кандидат исторических наук
доцент кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
А. А. Ищенко

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Голубкина, Т. М. Россия и Европа: история взаимовосприятия :
Г62 учеб. пособие / Т. М. Голубкина, М. А. Ковалев ; Владим. гос. ун-т
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2022. – 95 с.
ISBN 978-5-9984-1525-8

Основное внимание уделено анализу истории культурного диалога между Россией и странами Европы от Средних веков до начала Первой мировой войны, изучению особенностей восприятия друг друга народами Европы и России. Важное место в пособии занимают теоретические и методологические основы имагологии: основные этапы ее формирования, проблемное поле и ключевые понятия курса.

Предназначено для студентов направления подготовки 41.03.05 «Международные отношения». Может быть использовано историками, культурологами, философами и всеми, кто интересуется исторической имагологией.

Рекомендовано для формирования профессиональных компетенций в соответствии с ФГОС ВО.

Библиогр.: 15 назв.

УДК 94(470)+94(4)
ББК 63.3(2)+63.3(4)

ISBN 978-5-9984-1525-8

© ВлГУ, 2022

ВВЕДЕНИЕ

Новые вызовы современности диктуют необходимость дальнейшего изучения специфики и особенностей диалога России со странами Запада. Существенную помощь в такого рода исследованиях может оказать инновационное направление в науке – историческая имагология.

Цель создания учебного пособия – оказание помощи в изучении курса «Россия и Запад: история взаимовосприятия» студентам бакалавриата направления подготовки 41.03.05 «Международные отношения». Историческая имагология принадлежит к числу новейших направлений в гуманитарных исследованиях, и этим объясняется недостаток методических разработок.

Важное место в пособии уделено теоретическим и методологическим основам имагологии: основным этапам ее формирования, проблемному полю и ключевым понятиям курса. Основное внимание авторы уделили анализу истории культурного диалога между Россией и странами Европы от Средних веков до начала Первой мировой войны, а также внешней политике государств, международным отношениям и дипломатии в Новое время. Авторы задавались целью выявить схожие черты и различия в формировании культурных стереотипов индивидов и социумов в странах Европы и России как основы их диалога и/или противостояния, а также попытались вычленить особенности восприятия России представителями стран Запада; определить, каким образом и почему у западного мира на протяжении веков формировался негативный образ России, нередко отождествляемый с русским варварством.

Задачами изучения дисциплины являются:

- знакомство на историческом материале с научным направлением имагологии, ее проблематикой, методами, терминологией;
- формирование у студентов общих представлений о месте проблемы «Россия – Запад» в общей системе проблем социально-гуманитарных наук;

- изучение особенностей формирования стереотипов восприятия друг друга народами Европы и России в период с IX по начало XX в.

Знакомство с материалами книги позволит дополнить и предложить новые подходы при изучении дисциплин по истории международных отношений, истории дипломатии, методологии истории и др.

Глава 1. ИМАГОЛОГИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В последние годы в рамках российской исторической науки активизировались имагологические исследования. В Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН (возглавляемого А. В. Голубевым) проводятся ежегодные научные семинары. Их проблемное поле охватывает вопросы открытости/закрытости общества по отношению к внешнему окружению, диалектики войны и мира, врага и союзника, эволюции представлений общества об окружающем мире и о себе. В целом проблематика имагологии достаточно широка и допускает вариации, авторы дают различные определения базовым ее понятиям¹.

Имагология (в англо-американской терминологии – имэджинология) зародилась в начале XX в. в рамках сравнительного литературоведения. Первоначально она ставила целью изучение инокультурных влияний в национальной словесности. Термин «имагология» предложил в 60-е гг. XX в. немецкий специалист по сравнительному литературоведению Х. Дизерник. Одновременно была переосмыслена и концепция «Другого» – он стал изучаться не с точки зрения эстетической функции, а с позиции социокультурного контекста его формирования.

¹ Лабутина Т. Л. Актуальные проблемы исторической имагологии: историографический обзор // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего : сб. науч. ст. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященный 85-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / под общ. ред. Я. Г. Солодкина, Л. В. Алексеевой. СПб.: Амтейя, 2015. С. 140.

Терминология, которой оперирует имагология, включает в себя такие понятия, как национальные стереотипы, этнические предрассудки, этнические представления, национальные образы. Наиболее разработанное среди них – «стереотип». Выделяют стереотипы этнические, внешнеполитические, культурные (А. В. Голубев, П. С. Куприянов).

Исследовательница Д. И. Щербакова определяет три направления исследований стереотипов. Во-первых, стереотип понимается как часть когнитивных процессов человека (как результат генерализации и схематизации). Во-вторых, как элемент эмоционально-личностных процессов. Наконец, в-третьих, как элемент, участвующий в процессе функционирования социальной группы. Она также отмечает, что стереотипы подвержены изменениям в соответствии с условиями жизни этноса и иерархией ценностей, принятой им на конкретном этапе развития¹.

Понятие стереотип ввели в 1933 г. американские ученые Д. Кац и К. Брейли. Согласно их определению это устойчивый образ, мало согласующийся с реалиями, которые пытается представить. Носитель стереотипа стремится сначала определить явление и только потом пронаблюдать его. Н. А. Ерофеев даёт определение стереотипу как некритически усвоенному представлению. Э. Кросс указывает на уничижительный оттенок самого этого слова, ведь обозначаемое им явление подразумевает упрощение. И. С. Кон объясняет стереотип как предвзятое отношение к человеку на основании его принадлежности к социальной группе. Психолог также подчёркивает в нём эмоциональное отношение к объекту, которое воплощает представление о собственном и других народах. Он также указывает на наличие в стереотипе зерна истины. Поэтому даже положительные из них опасны, поскольку поддерживают всю систему предвзятых представлений. Особое значение исследователь придаёт вопросу об истинном/ложном характере стереотипа².

¹ Лабутина Т. Л. Указ. соч. С. 140.

² Кон И. С. Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предубеждений). URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Кон_pdf.pdf (дата обращения: 05.11.2021).

К характерным чертам стереотипа относятся устойчивость, регулярность поведения. Для традиционной культуры свойственна стандартизация всех жизненных аспектов поведения. Поэтому в стереотипах также выражается своеобразие национальной культуры. При изучении стереотипов этнолог А. К. Байбурин указывал на необходимость учитывать ряд особенностей. Стереотипы являются социальными феноменами: поведение человека в обществе обусловлено особенностями социальной организации общества, его социокультурными механизмами. Несмотря на это, его действия всё равно в известной степени подразумевают вариативность как в синхронном, так и диахронном отношении. Стандарты поведения, помимо того, обычно коррелируют с реальной стратификацией общества¹.

Будучи элементом сознания, стереотипы изучаются этнопсихологией и этносоциологией (поскольку коренятся в сфере обыденного сознания). А в качестве элементов уже бытовой культуры являются объектом собственно этнографических исследований. Речь идёт об эмпирически наблюдаемом пласте традиционно-бытовой культуры. Поскольку стереотип имеет знаковый характер, к его исследованию возможно привлечение методов семиотики.

Как же функционирует стереотип? Общество, заботясь о своей целостности, вырабатывает систему социальных кодов поведения, предписываемых его членам. Причём чем более значимы сферы поведения, тем более жёстко они регламентированы. Реальное поведение человека всегда представляет собой синтез нескольких программ. Человек постоянно совершает выбор, актуализируя одну из них. Стереотип играет роль ещё и в передаче социального опыта. В процессе взаимодействия с внешней средой общество накапливает определённый опыт. Опыт представляет собой тот фундамент, на котором зиждется возможность существования коллектива во времени. Социализация индивида всегда предполагает упорядочивание информации и отбор её главных фрагментов. Уже организованный опыт может быть передан благодаря ментальной структуре. Однако «коллективная память»

¹ Этнические стереотипы поведения / под ред. А. К. Байбурина. Л., 1985. С. 4.

имеет свои пределы. Стереотипизация позволяет сохранять рабочий объём информации в условиях постоянного её обновления¹.

Единицей опыта выступает социальная норма. Последняя распространяется лишь на общественное поведение, тогда как стереотип охватывает все действия индивида. Понятие нормы, кроме того, содержит оценочный смысл. Стереотип же может способствовать не только соблюдению нормы, но и её нарушению. Причём ориентация на нарушение нормы может касаться не только индивидов, но и групп, т. е. разнообразие в образе действий необязательно связано с расхождениями во взглядах. Одни и те же представления могут находить различные способы выражения.

Стереотип выполняет роль программы поведения, реализующейся в поведенческом тексте (т. е. в формах поведения). К последним могут быть применены процедуры анализа, разработанные в семиотике текста. Они основаны на выявлении уровней, единиц, правил организации в синтагматическом и парадигматическом планах и т. д. Однако перед исследователем в таком случае встаёт ряд проблем. Дело в том, что поведение не представляет собой дискретного текста. Его членение на единицы будет условным, основанным чаще всего на отождествлении типовых ситуаций или на иных признаках (таких, как перемещение в пространстве и др.). Тексты поведения неоднородны по своей структуре. Кроме того, остаётся неоднозначным соотношение стереотипа и текста.

Стереотип может находить выражение в таком явлении, как ритуал. В отличие от обычая, ритуал сильнее зарегулирован. Человек традиционной культуры видел смысл жизни в ритуале как основе общественной и экономической деятельности коллектива. Основная функция ритуала – проверка соответствия различных аспектов социальной организации коллектива сакральным образцам (эталонам). Ведь в неизменности их структуры, определявшей также социальную иерархию, виделся залог благополучия коллектива. Другие функции ритуала – коммуникативная (обеспечивающая обмен ценностями), психотерапевтическая, обновления мира, медиации между сакральным и профанным, поддержание естественного порядка, культовое узаконение мифов, упрочение связей в коллективе, шаблонизация

¹ Байбурин А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 8 – 9.

внешних форм поведения, символическое выражение определённых чувств, адаптация коллектива к внешней среде, социализация индивидов, дифференциация социальных ролей. Всё это разнообразие проявлений стереотипов необходимо учитывать при работе с данным феноменом¹.

Другая сфера имагологической проблематики – вопрос о «своих» и «чужих». О. Н. Казакова разводит понятия «иной» и «чужой». Первый – это отличный от наблюдателя, хотя и не обязательно наделённый противоположными чертами. Тогда как в отношении второго исследовательница подразумевает наличие негативной окраски. При этом «другой» довольно быстро может переходить в категорию «чужих». Л. П. Репина выделяет ещё один принцип разграничения данных категорий. Если «чужой» находится за границей круга интересов сообщества, то «другой» может являться и своим, правда, обладающим специфическим набором характеристик².

И. Д. Сахурия выделяет следующие критерии «чужого»: этнолингвистический, вероисповедальный, географический. Л. З. Копелев подчёркивает способность «чужого» превращаться во «врага». Причём данная трансформация может происходить не только на основании коллективного, но и личного опыта. Д. И. Щербакова относит стереотипы к числу социально-политических мифов. Подобно последним, они столь же рукотворны. Демонизация противника служит способом консолидации этноса. Такая информация воспринимается общественной средой как психологически комфортная. Сознательные искажения реальности обычно возникают в экстремальных ситуациях³.

По мнению А. Р. Ощепкова, статус имагологии в современном гуманитарном знании не вполне определён. Изучение «образа другого» в литературе пересекается с исследованием ментальных структур, что означает сближение компаративистики с культурной антропологией и историей идей. В то же время трактовка нации как конструируемой ре-

¹ Байбурин А. К. Указ. соч. С. 16, 18 – 19, 21.

² Репина Л. П. «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 16 – 17.

³ Лабутина Т. Л. Указ. соч.

альности позволяет привлечь к имагологическим исследованиям современные концепции нации. Вопрос правдивости дискурса о другой нации и стране, по мнению автора, некорректен и не может быть целью исследования. Речь должна идти именно о законах построения данного дискурса¹.

Специфика восприятия «другого» гораздо больше говорит о социуме, в рамках которого данное представление бытует. Чувство общности опирается не только на мифы коллективной памяти, но и базируется на стереотипизации образов «других». Любая этническая общность основана на мифе об общем происхождении, ассоциировании себя с конкретной территорией, чувстве групповой солидарности. По существу, «национальный характер» представляет собой совокупность психологических черт, характерных для большинства представителей нации. Энциклопедический словарь Мейера определяет его как сумму ценностных представлений, определяющих основные социальные и политические ориентации и поведение людей одной нации. Передающийся через поколения, он предстаёт как набор стереотипов общественного сознания, принимающих форму предрассудков. Как утверждал И. С. Кон, нации как социальные группы вырабатывают уникальный набор механизмов адаптации к обстоятельствам. И чем длиннее путь, пройденный нацией, тем сложнее её национальный характер. Национальный характер может иметь нейтральное значение, когда применяется по отношению к культуре, цивилизации, мифологии и т. д. Но когда это понятие используется для характеристики лица или группы (для описания их душевного склада), оно порождает расплывчатые и субъективные суждения².

Образ «другого» имеет различные источники формирования. Важно иметь в виду, что он начинает складываться задолго до реальной встречи с ним. Поэтому изучение образов сопровождается обращением к культурному наследию общества, включающему набор латентных базовых этнических стереотипов. Любому акту познания предшествует установка – направленность сознания личности, тенденция и готовность к определённой деятельности. Восприятие является не изолированным актом, но предстаёт как часть сложного процесса. В системе

¹ Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251 – 252.

² Кон И. С. Указ. соч.

установок человека аккумулируется его жизненный опыт, настроения его социальной среды.

Разновидностью установки выступает предубеждение. Предубеждение складывается благодаря возведению различий между группами в ранг ведущих особенностей, которые превращаются затем во враждебную установку, обосновывающую дискриминацию. Такая установка применяется по отношению ко всем членам группы независимо от их индивидуальности. Предубеждение эмоционально окрашено, оно предшествует рассудочному мышлению, обладает большой устойчивостью. Американский социолог Р. М. Уильямсон-младший подчёркивал такую его особенность, как противоречие официально принятым в обществе нормам. Психолог Г. Олпорт полагал, что предубеждение возникает там, где установка покоится на ложном и негибком обобщении. На это психолог И. С. Кон резонно возразил о невозможности существования адекватных предубеждений и стереотипов¹. От предубеждения следует отличать утверждение, основанное на индукции. Во-первых, оно не касается каждого члена группы. Во-вторых, охватывает одно конкретное качество. В-третьих, предполагает возможность изменения группой отмечаемых характеристик.

Чтобы исследовать предубеждения, необходимо прежде всего исследовать психику их носителей, а также общественное сознание в целом. Надо заметить, что предубеждённый человек сам отбирает свои впечатления, одни и те же качества он может оценивать как положительные и как отрицательные в зависимости от носителя. С объективной же стороны любая черта этнических предрассудков может быть и доказана, и опровергнута. Как правило, стандартным обвинением против того или иного меньшинства является их сплочённость. Однако сама солидарность цементируется враждебным отношением окружающих. Психологическое объяснение агрессии, направленной на меньшинства, даёт теория фрустрации (используется метафора «козла отпущения», которая означает вымещение агрессии). Человеческая психика использует ряд механизмов, которые позволяют вытеснять нежелательную информацию из сознания. Одним из таких механизмов является проекция. Она подразумевает приписывание другим собственных стремлений, противоречащих моральным установкам. Проекция работает не только применительно к индивидам, но и по отношению к

¹ Кон И. С. Указ. соч.

этносам. Отмечается, что индивиды, имеющие враждебную склонность к одному этносу, предубеждены и по отношению к другим, хотя и в разной степени. Правда, по замечанию Д. Уизерли, «козлом отпущения» становится вовсе не любой объект, а именно тот, к которому люди и ранее были враждебны. Следовательно, необходимо исследовать не только психику, но и социальную среду¹.

Традиция взаимоотношений между народами также накладывает серьёзный отпечаток на их взаимовосприятие. Народы могут соотноситься как титульная нация и национальное меньшинство, являться конкурирующими этническими группами. С течением времени этнические стереотипы имеют тенденцию превращаться в норму. В то же время межгрупповой контакт может и способствовать ослаблению предвзятых отношений. Однако лишь в том случае, если обе группы обладают равным статусом, стремятся к общим целям, имеют положительный опыт сотрудничества, если их взаимодействие пользуется поддержкой властей, не противоречит обычаям и законам. В иных ситуациях ослабления стереотипов не происходит. В случае со стереотипами русского сознания нельзя игнорировать тот факт, что русская нация веками существовала в противостоянии с властями многонационального государства.

В ряде аспектов Л. П. Репина подвергает критике концепт «национального характера». По её мнению, в данном понятии микшируются различные уровни стереотипа (когнитивный, аффективный, социальный)². В статье «Чужие» Л. З. Копелев обращал также внимание на интересные выводы зарубежных исследователей. Наука не знает, существует ли какая-либо однородность в людях, принадлежащих конкретному народу. Поэтому, говоря о стереотипах, невозможно сделать заключение об их верности или ошибочности³.

Л. П. Репина предлагает следующие методологические принципы исследования «другого». Прежде всего, необходим учёт психологической составляющей формирования образов, возможности смешения в них правды и вымысла. Также нельзя игнорировать факт отражения в образе другого народа сущностных черт собственной нации. Имеется

¹ Кон И. С. Указ. соч.

² Репина Л. П. Указ. соч. С. 11.

³ Копелев Л. З. Чужие // Одиссей. Человек в истории. 1993. Образ «другого» в культуре. М., 1994. С. 11.

в виду главным образом отрицание представителями группы собственных негативных черт, которые они приписывают «другому». Кроме того, автор считает необходимым применение синхронического и диахронического подходов. Следует также проводить социально-групповую дифференциацию образов¹.

Отдельную проблему составляют принципы отбора источников. Специфика имагологических исследований позволяет обращаться к разножанровым текстам, включая произведения литературы. Хотя наибольший интерес представляют травелоги (путевые заметки) XVIII – XIX вв. С одной стороны, можно рассматривать как типичные те наблюдаемые случаи, которые содержатся в описаниях. В то же время есть возможность анализировать свидетельства травелогов, появившиеся вследствие постоянных контактов. Приходится иметь в виду и такую особенность, как задействование авторами разных каналов восприятия (личный опыт, опосредованная информация).

В последние десятилетия историческая имагология стала значимым фактором отечественной науки. Используя достижения зарубежных коллег, смежных дисциплин, активизировав собственные разработки, российские учёные сформулировали основные методы исследований в данном направлении. Ряд вопросов, однако, ещё далёк от окончательного разрешения. Не устоялся терминологический аппарат имагологии. Не всегда учитывается динамика изменений «образа другого», их противоречивость и социальная дифференциация. Спорной остаётся и возможность применения некоторых концепций из смежных дисциплин.

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое имагология? Каково её проблемное поле?
2. Расскажите о зарождении имагологии как направления науки. Как возник термин «имагология»?
3. Что такое стереотип? В чём его социальные функции?
4. Как разграничиваются понятия «другой» и «чужой»?
5. В чём заключаются отличия стереотипа от установки и предубеждения?

¹ Репина Л. П. Указ. соч. С. 13.

Глава 2. ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ «ОБРАЗА ДРУГОГО»

Имагология – достаточно молодая область исторической науки. Формирование её методологии и понятийного аппарата ещё далеко от завершения. Этим обусловлено привлечение научных подходов, которые также оперируют концепцией «свой – другой». На наш взгляд, наиболее продуктивным является обращение к теориям идентичности, ориентализма, «образа врага» и дискурса нации.

Возникновение групповых образов и стереотипов невозможно без осознания человеком своей идентичности. Данное понятие применительно к социальным наукам ввёл психолог Э. Эриксон. Ему принадлежит концепция кризиса идентичности, происходящего в условиях резких общественных трансформаций. Психолог выделяет два основания, на которых она базируется – самоидентичность и социально-культурная определённость. Дж. Г. Мид отмечал динамический характер идентичности. Она приобретается и формируется только во взаимодействии с другими людьми. Группа отечественных исследователей под руководством В. А. Ядова обосновала возможность исследования этничности сквозь призму психологической теории «мы – они» идентичностей.

Социальные психологи Г. Тэжфел и Дж. Тёрнер применяли понятие идентичности в контексте изучения процессов межгрупповых отношений и для межгруппового сравнения. Они пришли к выводу, что в основе социального восприятия человека лежит процесс категоризации. Получаемый социальный опыт систематизируется для более удобной ориентации в обществе. Этничность также может рассматриваться как результат категоризации – процесса, включающего идентификацию с выделенной этнической группой, а также её эмоционально-оценочное восприятие. Результатом становится осознание общности языка, культуры, территории, истории с другими членами коллектива. Таким образом, восприятие индивидом мира происходит сквозь призму реальных или номинальных групп. При этом идентичность может быть как позитивной, так и негативной¹.

¹ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробужева. М., 2013. С. 14 – 15.

Социальный антрополог Р. Барт обращал внимание на усилия, прилагаемые группами для поддержания этнических границ, вследствие чего культурные маркеры становятся критериями дифференциации и используются в таком качестве в повседневной практике. Следовательно, культурное единство не является первичной характеристикой группы, а представляет собой результат и даже цель её существования. Апелляция к этнической идентичности приводит к формированию этнических групп. В силу вступает феномен категориального приписывания (индивиду – признаков). В социальном смысле он оборачивается системой социальных предписаний. Надо иметь в виду, что этнические категории вбирают в себя не все реально существующие различия, а только те, которые самими индивидами воспринимаются как значимые. В определённых случаях имеет место обострение либо, наоборот, сглаживание этнической идентичности. Диапазон изменений широк и может простираться от глубокой этнической приверженности до нигилизма. В кризисных социальных условиях этничность даже против воли человека может стать преувеличенно значимой. В данном случае имеет место феномен навязанной идентичности.

Отечественные исследователи также внесли существенный вклад в разработку проблемы. Этнолог Ю. В. Бромлей выделил основные структурные элементы этноса. К ним он отнёс язык, культуру, историю, территорию, «типичные черты», осознание государственной общности, религиозное и классовое сознание, эмоциональное отношение к этнической действительности. Социолог Л. М. Дробижева отметила инструментальную функцию этнического самосознания, определила его социально-психологические компоненты, выделила групповой и государственный уровни функционирования. Кроме того, ей принадлежит введение в науку понятия разделяемых этнических интересов и ценностей. Л. М. Дробижева в своих работах указала также на значимую роль элит и интеллигенции в формировании этнических представлений¹.

В 80-е гг. XX в. в русле кросс-культурной психологии учёными А. Фэрнхэмом и С. Бочнером проводились исследования культурной дистанции. Предметом их исследований была социальная адаптация мигрантов и её психологические механизмы. По мнению авторов,

¹ Гражданская, этническая и региональная идентичность... С. 17 – 20.

стрессогенность принимающей культуры, риск культурного шока находятся в прямой зависимости от её близости к аутентичной среде мигрантов. Н. Лебедева развивала эти идеи в 1990-е гг. на материалах российского Кавказа. Изучение русских старожилов в данном регионе привело её к заключению, что степень отдалённости социальной среды коррелирует с развитием механизмов психологической защиты.

Р. Парком введено понятие шкалы социальной дистанции применительно к этнически смешанным обществам. Подход Р. Парка стал основным принципом исследований этнической идентичности в рамках конструктивистской парадигмы (Б. Андерсен, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, в России – А. В. Тишков).

Современная теория нации исходит из положения, что именно национализм создаёт нации, а не наоборот, т. е. нация сознательно формируется элитой (конструктивистский подход). Исследователи вопроса подчёркивали различные факторы нациестроительства: индустриальное развитие (Э. Геллнер, М. Грох), абсолютистское государство (М. Манн), печатный капитализм (Б. Андерсон), систему образования и роль интеллигенции (Э. Хобсбаум), наконец, этничность (К. Калхун)¹.

Э. Геллнер заложил основы концепции, согласно которой нации возможны только в период модерна. Аграрные общества не обладали достаточной однородностью, они были раздроблены на корпоративные группы. Поэтому их культурные и политические границы не совпадали. Период капитализма ознаменован бурным развитием коммуникаций. Сословно-корпоративные и региональные границы размываются, одновременно происходит унификация в рамках государства. Высокая культура становится эталонной, упраздняются социальные, а вместе с ними и смысловые контексты².

В своём труде «Национализм и модернизм» Э. Смит подверг развёрнутой критике конструктивистскую парадигму. Он полагает, что в отличие от технологической сферы культура не знает пропасти между

¹ Миллер А. И. Национализм как теоретическая проблема. (Предварительные итоги.) // Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции / отв. ред. А. И. Миллер. М., 1994. С. 7.

² Он же. Теория национализма Эрнста Геллнера и её место в литературе вопроса // Там же. С. 4 – 5.

Средневековьем и Новым временем. Аналоги национальным идентичностям встречаются и в доиндустриальные эпохи. У народов древности существовало представление об этнической родине, священных центрах, а также мифах и символах, которые их объединяли. Доиндустриальные общества были этноцентричны, хотя и в ином смысле, чем современные. Э. Смит подразделяет этносы традиционного общества на аристократические и демотические. Аристократический этнос складывается в условиях, когда правящая элита оказывается во враждебном окружении. Осознание своего культурного превосходства заставляет её поддерживать этнические границы и систему ранжирования. Демотический этнос, напротив, складывается в условиях проникновения этнической культуры в различные слои. К нему также относятся локальные варианты культур, существующие в сельской местности. Другим примером демотических этносов являются города-государства, этнорелигиозные диаспоры и секты. Кроме того, отсутствие этнически окрашенной социальной иерархии свойственно пограничным этносам, находящимся в перманентном конфликте с соседними общностями.

Учитывая вышеизложенную постановку проблемы, Х. Сетон-Уотсон предложил классификацию наций на старые и новые. На Западе национальная идентичность органична, она приобретается до формулирования доктрины национализма. У незападных обществ сама идея нации является инструментом элит. Как правило, в таких государствах нет консолидированного этнического ядра. Зачастую его заменяют несколько групп давления. Вследствие этого правящему слою приходится имитировать такое ядро посредством националистического дискурса. В русле данного процесса доминирующая группа стремится навязать свои символы и мифы прочим общностям. Такая стратегия называется ассимиляцией¹.

Методологическое разграничение Запада и Востока полезно не только в смысле классификации национальных дискурсов, но и в вопросе о месте России в мире в восприятии европейцев. В 1978 г. вышла книга американского учёного арабского происхождения Э. Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока». Автор использовал

¹ Коротеева В. В. Энтони Смит: историческая генеалогия современных наций // Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции / отв. ред. А. И. Миллер. М., 1994. С. 22, 27 – 28.

идею философа М. Фуко о знании как о дискурсе власти. В интерпретации учёного Запад всегда конструировал Восток как своего «другого», делая его вместилищем всех незападных, главным образом негативных характеристик. Восток представлялся европейцам как система перевёрнутых самоимиджей, создаваемых по принципу различия либо отсутствия. Европа понимала себя как стандарт и через созданный «от противного» образ Востока возвеличивала и определяла себя. Таким образом, ориентализм как совокупность западных стереотипов о Востоке говорит прежде всего о сознании самих людей Запада.

Со времён античности Восток был вместилищем романтики и экзотики. При этом сам Восток ничего не говорил от своего имени и как бы не осознавал своих собственных интересов. Э. Саид использует также теорию итальянского философа-марксиста А. Грамши о культурной гегемонии. Образ Востока рассматривается им с этой позиции как идеологическая форма, выражающая консенсус западных обществ и групп интересов в их рамках. При этом учёный не ставит дискурс ориентализма в прямую зависимость от властей. Ориентализм обусловлен прежде всего определённым профилем политико-интеллектуальной культуры. «Образ другого» высвечивается благодаря помещению тех или иных событий в конкретный контекст. К примеру, ориенталистский дискурс мог бы проявляться в убеждении, что взгляды английского либерала Дж. Милля невозможно перенести на индийскую почву. Ведь подразумевается (хотя и не проговаривается открыто), что индийцы стоят ниже по своему уровню развития, чем британцы. Поэтому вся европейская филология, лексикография, история, биология, политическая и экономическая теория, художественная литература негласно стоят на службе ориентализма. Всякий, пишущий о Востоке, усваивает данную нарративную позицию. В дальнейшем он выстраивает свою исследовательскую или творческую деятельность в соответствии с ней. Таким путём формируется целый ансамбль отношений между работами о Востоке, читательской аудиторией, наконец, самими реалиями Востока. Эту систему отношений Э. Саид называет стратегической формацией (например, стратегическая формация филологических исследований)¹.

¹ Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2016. С. 28, 33 – 34, 54.

Следовательно, в западном сознании имеет место не естественное описание Востока, а его репрезентация. Поэтому при работе с материалами ориентализма нужно обращать внимание не на правильность повествования, а на фигуры речи, стиль, приёмы изложения. Объём таких материалов, по убеждению самого автора, необозрим. Они включают научные работы, политические трактаты, литературные труды, путевые заметки, религиозные и филологические исследования.

История ориентализма обладает внутренней связанностью, демонстрирует чёткий набор идей фактически с момента своего возникновения. Но с конца XVIII в. наступает новый этап в его развитии. С одной стороны, благодаря египетскому походу Наполеона начинается научное изучение Востока, с другой – происходит переосмысление определённых элементов ориенталистского дискурса в романтизме. Оба процесса способствовали некоторому сближению двух миров. В дальнейшем ориентализм развивался под воздействием мощных интеллектуальных течений своего времени – фрейдизма, расизма, дарвинизма, цивилизационной теории¹.

При всей плодотворности идей Э. Саида он всё-таки ничего не говорит о собственно Востоке. За исключением той мысли, что Восток не соответствует западным о нём представлениям. Тем не менее его работа дала начало такому интеллектуальному направлению, как постколониальные исследования.

Концепция ориентализма в дальнейшем получила развитие в трудах Л. Вульфа, применившего её к материалам Восточной Европы. В соответствии с его выводами на протяжении XVIII в. складывается специфический тип восприятия Восточной Европы на Западе. Идеи Просвещения обусловили отношение к данному региону как «недоевропе», «переходному звену», отстающему на пути прогресса.

Путешествие в Восточную Европу воспринималось как эксцентричный поступок. Отправляясь в 1717 г. в Константинополь, Мэри Уортли Монтегю в высокопарных выражениях составила прощальное письмо сестре. «Для леди Мэри, – пишет Вульф, – посещение Восточной Европы было подобно поездке на войну...»². Граф де Сегюр, по-

¹ Саид Э. В. Указ. соч. С. 55 – 57.

² Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 82.

сланник при дворе Екатерины II, утверждает, что, когда пересёк границу Польши, очутился на десять веков в прошлом. Описывая поездку в Прагу, Моцарт интерпретировал её как игривую комедию, давая географическим пунктам и именам выдуманые названия в духе ориентализма, при том, что Прага географически находится не к востоку, а к северо-западу от Вены. Но для Моцарта имела значение именно культурная граница. Английский путешественник У. Кокс негодовал: «Издали все эти шпили и купола, скрывающие окружавшие их лачуги, заставляют незнакомого с этой страной путешественника ожидать появления большого города; вместо этого он встретит лишь кучку деревянных хижин»¹. Подобного рода наблюдения во множестве рассыпаны и в сочинениях других авторов.

Одним из вариантов «образа другого» является «образ врага». Как было сказано ранее, сам по себе «другой» не монолитен и подразумевает дифференциацию «враг». По наблюдению С. Кина, он помещается обычно в ассоциативный ряд вместе с чужим, агрессором, варваром, преступником, врагом Бога, смертью, достойным противником, насильником, мучителем или палачом. Главным его признаком выступает наличие угрозы существованию социальной группы или её базовым ценностям.

«Врага» принято отграничивать от смежных понятий – «чужого», «другого» и «маргинала». Позиции маргинала в социуме значительно слабее, чем у «своего». Поэтому он не опасен. Что касается «другого», то его образ, скорее, служит условием артикуляции позитивных ценностей представителей своей группы. В разряд «других» может попасть и «свой», выходящий за границы общепринятых норм. Ещё одна его функция – указание на наличие самих норм².

В отличие от них всех в «образе врага» тема насилия является одной из главных. Враг различается не только по характеру угрозы, которую представляет, но и по характеру авторитета, отвечающего за благополучие группы. Дело в том, что «образ врага» призван мобилизовать социум вокруг группового авторитета. Врага также классифицируют по уровню институциональной дифференциации: враг прямого

¹ Вульф Л. Указ. соч. С. 73.

² Гудков Л. Д. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков ; ред. Н. Конрадова. М., 2005. С. 13 – 14.

действия, второго, третьего уровня и т. д. Тем самым угроза становится опосредованной и выносится в символическое пространство. Подразумевается, что чем выше уровень угрозы, тем враг более сложен и изощрён. В конструкцию образа втягиваются также и некоторые позитивные значения. Врагу приписывается способность «соблазнять» членов группы. При наличии данного образа важным принципом социальной организации становится бдительность. В противоположность «врагу» «свои» выступают как бескачественная недифференцированная масса.

В традиционном обществе враг не был конкретен. Поэтому его образ не имел широкого распространения. К примеру, в христианских обществах он носил чисто религиозный характер. В период модернизации и утверждения национальных государств «враг» стал катализатором национального мифа. Ярчайшим свидетельством такой его функции стали массовые репрессии эпохи Французской революции. Разрушение сословно-корпоративных порядков спровоцировало ре-сентимент в социальных слоях, испытывавших трудности при адаптации к новым условиям. Реакция на модернизацию составляет не менее важную социально-психологическую предпосылку формирования «образа врага», чем условия войны¹.

В заключение хотелось бы отметить, что проблематика «свой – другой» имеет широкую сферу применения и не ограничивается только рассмотренными подходами. Помимо вышепредставленных в рамках исторической имагологии могут быть использованы методы этнологии, психологии, социологии, культурной антропологии, семиотики, а также подходы, используемые в современном литературоведении.

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое идентичность? Какова её социальная роль?
2. Как связаны идентичность и самосознание?
3. Приведите основные концепции нации.
4. В чём состоит суть концепции ориентализма Э. Саида?
5. Раскройте понятие «образ врага». В каком соотношении оно состоит с понятиями «образ другого» и «образ чужого»?

¹ Гудков Л. Д. Указ. соч. С. 16 – 19.

Глава 3. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА И РУСЬ: ЗАРОЖДЕНИЕ КОНТАКТОВ И ФОРМИРОВАНИЕ «ОБРАЗА ДРУГОГО»

Славянские народы вошли в европейскую историю еще в период раннего средневековья (V – X вв.), однако их участие в развитии европейской политики и культуры приходится на зрелое средневековье и связано с периодом существования Древнерусского государства (IX – XII вв.).

Изучение взаимовосприятия древнерусского и западного миров требует глубокого и многофакторного анализа. Необходимо связать воедино экономические и международные отношения, идеологию государств того времени, религиозную составляющую средневекового мировоззрения, географические представления различных народов и традиций и многие другие факторы, влиявшие на создание «образа другого». Поэтому обратимся к анализу важнейших из этих факторов.

Говоря об особенностях взаимоотношений Древнерусского государства и государств Европы в X – XII вв., необходимо отметить, что в историографии сформировались две точки зрения на место и роль Руси в европейском мире. Первая из них заключается во взгляде на Киевскую Русь как на часть византийского мира и, следовательно, антагониста Европы. На подобных позициях стояла советская историография, где признавалось, что экономические, политические и культурные связи Руси с Византийской империей были более тесными, чем с какой-либо иной страной. Решающим аргументом в пользу византийского влияния был религиозный вопрос – принятие византийского варианта христианства.

Однако сложилась и тенденция, предлагающая считать Русь в X – XII вв. неотъемлемой частью большого европейского мира и сообщества. Одним из ярких сторонников такого подхода является А. В. Назаренко, из зарубежных исследователей его поддерживает доктор философии, профессор Виттенбергского университета США Кристиан Раффенспергер. По его мнению, «Русь была намного ближе (в том числе политически) к Скандинавии, Польше, Священной Римской империи и Венгрии, чем к далекой Византии, от которой ее отделяло не только Черное море, но и опасная и непреодолимая степь»¹.

¹ Федосов А. В., Раффенспергер К. Королевство Русь. Древняя Русь глазами западных историков. М., 2021. С. 119.

Говоря о факторах, определявших взаимоотношение и взаимовосприятие Древней Руси и стран западного мира в VIII – XII вв., в первую очередь необходимо отметить, что европейские и славянские народы переживали сходную стадию общественно-политического и экономического развития. В V – IX вв. на территории западной, центральной, южной и восточной Европы проходил синхронный **процесс активного политогенеза**, органичной частью которого явилось формирование Древнерусского государства. В Европе политические процессы были связаны с возникновением варварских государственных образований на территории распавшейся Западной Римской империи, расцветом и разрушением Каролингской империи и завершились появлением нового поколения уже собственно европейских государств, возникавших на севере, юге, востоке и в некоторых центральных областях европейского субконтинента.

В первой трети IX в. под властью короля Уэссекса объединились англосаксонские королевства. На севере Пиренейского полуострова в IX в. в ходе Реконкисты укрепилось Астурийское королевство, возникшее еще в VIII в. В 835 г. появилось первое хорватское государство, в 842 г. возникло Польское королевство, а в 894 г. – Чешское королевство. На рубеже IX – X вв. складывается Венгерское государство. Именно на этот период пришлось, как известно, рождение и Древнерусского государства. Не вдаваясь в дискуссии о роли норманнов в российской истории, обратим внимание на то, что и в Западной Европе норманны представляли собой один из факторов, повлиявших на процесс политогенеза.

Вторым важным фактором взаимоотношений Древней Руси и европейского мира стала **общая принадлежность к христианству**, которая объединяла христиан и противопоставляла их всем инаковерующим – язычникам, мусульманам. В раннее средневековье Европа еще не идентифицировала себя, собственно, как Европа. Она представляла собой «христианский мир», сообщество христианских народов. Кроме того, в рассматриваемый период внутрихристианские различия еще не были резко выражены. По мнению современных исследователей Б. Н. Флори, В. И. Матузова, А. В. Назаренко, даже официальный раскол церквей в 1054 г. не отразился на реальных отношениях в Восточной Европе и долго оставался лишь теоретической догмой.

Только после событий 1204 г. (захват крестоносцами Константинополя) раскол переходит в практическую плоскость, а для древнерусских земель такая «активизация» противоречий наступает еще позднее, в конце 1220-х гг¹.

Интересной в этой связи представляется концепция локальных «микрохристианств», высказанная Питером Брауном. Исследователь заявил о том, что применительно к периоду X – XI вв. одинаково сложно говорить как о едином христианстве, так и о полярном разделении между западной и восточной его ветвями. Правильнее вести речь о том, что до определенного момента (а именно, до григорианских реформ XI – XII вв.) в Европе существовало множество локальных версий христианства, и приверженцы каждой считали свою наиболее правильной. Русь же занимала промежуточное положение между, по крайней мере, тремя микрохристианскими регионами и могла перенимать какие-то особенности у каждого соседа².

Русь действительно приняла христианство при содействии и под эгидой византийской церкви, однако в изучаемый период она стремилась балансировать между православным и латинским христианством, поддерживая связи с обеими ветвями. Так, княгиня Ольга, несмотря на свою поездку в Византию и принятие крещения от византийского императора, в 959 г. по неизвестным причинам отправила посольство к императору Оттону I с просьбой прислать латинского епископа. И хотя эта попытка наладить церковные связи с германским миром окончилась неудачно, очевидно, из-за противодействия языческой «партии», возглавляемой Святославом, важен сам факт попытки сближения с западным миром. Известно также, что до своего крещения, осаждая Корсунь, князь Владимир принял послов от Римского папы, которые принесли с собой чудодейственные мощи святого Климента, одного из ранних пап. Подобного рода контакты и посольства, согласно летописным данным, происходили в X в. достаточно часто (папские легаты появлялись в Киеве в 991 г., в 1000 г.).

¹ Фогель А. С. Древняя Русь в представлениях зарубежных средневековых авторов (IX - конец XIII в.) : монография. Самара : Изд-во Самар. гос. эконо. ун-та, 2015. С. 35.

² Федосов А. В., Раффенспергер К. Указ. соч.

Католические посольства от папы или германского императора на Руси принимались в общем так же, как и посланцы патриарха константинопольского или антиохийского, подобное отношение распространялось и на католических паломников. Так, латинский епископ Бруно Кверфуртский во время поездки в Киев в 1007 г. встретил там самый радушный прием и прожил около месяца. В своем письме императору Священной Римской империи Генриху II Бруно описывал князя Владимира как щедрого и богатого властителя. Регулярное присутствие западноевропейцев на Руси прослеживается в существовании торговых домов иностранных купцов, католических храмов (например, церковь Святого Ильи в Киеве), другим примером такого влияния может служить германское обозначение церкви, которое прижилось в старославянском языке¹.

Главную тенденцию взаимоотношений Древней Руси и европейского мира можно охарактеризовать как активное взаимодействие, выразившееся в нескольких направлениях, важнейшими из которых стали **экономические контакты**. Торговые связи между восточными славянами и западным миром сложились задолго до становления древнерусской государственности. Еще Б. Д. Греков отметил совпадение мер веса у римлян и славян, что доказывает существование торгового обмена между ними. А. В. Назаренко, основываясь на анализе Раффельштадского торгового устава 903 г., доказывает, что постоянные торговые контакты Руси, Чехии и германских земель восходят уже к IX в.² Наиболее тесные отношения в начальный период развития Древнерусского государства устанавливаются с Восточно-франкской империей и Древнепольским государством. Древняя Русь находилась на перекрестке древних путей мировой торговли и не могла не быть частью огромной европейской торговой сети. Не ставя под сомнение исключительную роль пути «из варяг в греки» в древнерусской экономике и политике, отметим также важность связей и с Европой. На русские рынки везли сукно, металлические изделия, оружие, разнообразные вина и многое другое. С теми странами Европы, куда сами древнерусские купцы не ездили, например, с Англией и Испанией, русские торговые города связывало через своих единоверцев еврейское купечество.

¹ Федосов А. В., Раффенспергер К. Указ. соч. С. 84.

² Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 337.

Политические контакты нашли выражение в **династических браках**, послужили мощным инструментом сближения Древней Руси и стран Европы. Из 52 известных браков, которые были заключены русскими князьями с иностранцами в X – XII вв., 77 % (40) приходится на страны к западу от Руси¹. Наиболее активно Древняя Русь и Западная Европа начали сближаться во время правления Ярослава Мудрого, применительно к этому периоду возник даже специальный термин – «брачная политика». Ярослав Мудрый, женившись на дочери шведского короля Олафа Ингигерде, породнился потом через своих детей с правящими домами Норвегии, Франции, Венгрии, Германии, Польши. Из Ярославичей только один Всеволод, отец Владимира Мономаха, был женат на гречанке. Сам факт такого количества династических браков с западными королевствами показывает широкие связи Руси с Европой. Также Киевская Русь при Ярославе Мудром служила убежищем для многих знатных изгнанников того времени.

Династические браки, помимо укрепления связей между семьями, способствовали также и культурному обмену. Примером может служить влияние первой жены Владимира Мономаха – дочери последнего англосаксонского короля Гарольда Гиды – на мужа, что подтверждается его «Поучением». Такого рода послание было новинкой для Руси, но широко распространенным явлением в англосаксонской традиции. Также влияние русских княжон ощущается в выборе имен для своих детей – наследников престолов европейских стран. Так, под влиянием Анны Ярославны во французский именованослов прочно вошло до этого мало употребляемое имя Филипп. Точно так же сын датского короля Кнуда и дочери Мстислава Владимировича Ингеборги получил имя Вальдемар.

Ярким примером культурного взаимодействия с Западом является архитектурная пластика (белокаменные резные украшения) владимиросуздалских храмов второй половины XII в., времен Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо. Например, львы и грифоны на резных рельефах храма Покрова на Нерли очень похожи на подобные элементы декора европейских романских церквей XI – XII вв., к примеру Шпайерского собора (Средний Рейн) или монастыря Виндберг в Северной Баварии. В свете этих фактов выглядят вполне правдоподобными поздние сведения о том, что во Владимиро-Суздальской земле

¹ Федосов А. В., Раффенспергер К. Указ. соч. С. 115.

тогда работали мастера, присланные германским императором Фридрихом I Барбароссой. С Фридрихом Барбароссой связано еще одно уникальное произведение искусства — наплечники Андрея Боголюбского, которые, по преданию, были подарены ему германским императором.

Следует отметить, что прослеживаются не только династические браки, но и военно-политические союзы древнерусских князей с представителями европейских монархий и домов. Так, сын Ярослава Мудрого Изяслав, потеряв в 1068 г. из-за конфликта с киевлянами великокняжескую власть, в 1069 г. вновь овладел Киевом при помощи польских войск. В дальнейшей борьбе с братьями Изяслав искал содействия у германского императора Генриха IV и папы Римского. Его соперник и брат Святослав избежал вмешательства Германии только путем непосредственных переговоров с императором. Искал сближения с Германией и третий сын Ярослава Всеволод. Что же касается участия русских князей в европейских войнах, то оно было нечастым. Дело здесь было не только в удаленности Руси от Западной Европы, но и в том, что внимание древнерусской внешней политики было непрерывно обращено на Восток, откуда угрожала опасность в лице кочевников. Тем не менее известно, что в 1076 г. Святослав Ярославич предпринял большой поход на чехов, которые выступили союзниками Германии, и вместе с ней противостоял Польше.

Убедившись в существовании тесных экономических, политических и культурных контактов Древней Руси и западным миром, обратимся к характеристике особенностей взаимовосприятия древнерусского и европейского сообществ.

Что касается образов европейских народов и государств, сложившихся на Руси, отметим, что комплексные изыскания на данную тему фактически отсутствуют. Эта историографическая лакуна объясняется отсутствием в письменных источниках как развернутого описания «чужого мира» и его представителей, так и характеристик образа «чужого».

Анализ обширного летописного материала показывает, что в домонгольскую эпоху этнические представления о Западе заменяются религиозными. Летописец выделяет в особую группу те народы, которые воспринимались им как «конфессионально чужое», и перечисляет их в отдельном списке: «Иафетов род вот еще кто: варяги, шведы, норманы,

готы, русь, англлы, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, гемуэзцы и прочие, которые распространены от запада к югу и соседят с Хамовым племенем»¹.

Отметим, что к Западу не были причислены православные народы, живущие на западе и юго-западе от Руси, т. е. греки и южные славяне. Иногда они тоже попадали в категорию «чужое», как о том свидетельствуют летописи, но это было не то «чужое», что обозначалось словами немцы, латиняне, римляне. Границы больших культурных общностей проходили по конфессиональному водоразделу. Русь вошла в христианский мир в эпоху разделения церквей — всего лишь за несколько десятилетий до окончательной схизмы 1054 г., поэтому уже с самого начала не было ощущения единства христианской ойкумены.

Одна из наиболее часто упоминаемых в древнерусской литературе «реалий» западной действительности – Рим. Отношение к Риму косвенно выражено уже в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона. А. С. Демин отмечает «уважительное» отношение к Риму, «Илларион не полемизировал с латинянами, как это поощрялось на Руси со второй половины XI века; для Иллариона Рим – первооснова христианства»². Действительно, Рим почитался на Руси как престол апостола Петра, как город Петра и Павла, как общехристианская и даже, скорее, как православная святыня. Памятники канонического права XI в. также весьма лояльно, хотя и без восторга, относились к вынужденному общению с латинами, поскольку общехристианскую любовь ставили выше. Тем самым противоречия между православием и латинством отступали на задний план, когда речь заходила о понятиях, общих для христианства.

Однако Великая схизма 1054 г. поставила перед древнерусским обществом проблему, которую нельзя было оставить без внимания и в ответе на которую нужно было выработать четкую позицию. Эту задачу и преследовал в своем «Слове о вере христианской и латинской»

¹ Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI – XIV вв. / О. В. Гладкова, А. С. Демин, Ф. С. Капица и др. ; редкол.: А. А. Косоруков (отв. ред.) и др. ; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, Науч. совет «Россия: Запад и Восток». О-во исследователей Древ. Руси. М., 1996. С. 6.

² Демин А. С. «Слово о законе и благодати» Иллариона // Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI – XIV вв. М., 1996. С. 8.

Феодосий Печерский в 70-х годах XI в. Лейтмотив «Слова» – обличение латинян за утрату благочиния и благочестия, выражение резкого неприятия русских к современному латинству. А. С. Демин исследовал сведения о немцах – «латинянах» в «Повести временных лет» и пришел к выводу, что в летописи они представлены необязательными, расчетливыми, эгоистически рациональными и не желающими утруждать себя в делах веры. Такой негативный образ, по мнению автора, обусловил отказ киевского князя Владимира принять католицизм. В целом отношение летописцев к немцам видится политичным и осторожным по той причине, что они тоже были христианами¹.

Д. А. Добровольский попытался ответить на вопрос об отношении Руси к странам латинского обряда на материале летописного сказания об испытании вер. По мнению автора, древнейшее нарративное ядро «Повести временных лет» уже содержало осознание религиозных различий между византийской и римской версиями христианства. Текстуальные наслоения конца XI в. привнесли «резкое неприятие латинян, вера которых считалась “развращенной”, однако об итоговом этапе составления летописи в 1110-е гг. можно говорить как о времени относительного примирения и восстановления былого единства»².

Можно заключить, что в Древней Руси отношение к Западу оставалось в рамках сдержанности, вначале несколько благожелательной, потом все более отчужденной, но никогда это писательское чувство не было горячо дружелюбным или же, напротив, доходящим до ненависти (традиционные конфессиональные проклятия древнерусских книжников «латинянам» чаще идеологичны, чем личны). «Так относится сосед к соседу, когда каждый живет своей жизнью»³.

Каков же был образ Руси в сочинениях средневековых европейских авторов? Сразу отметим, что говорить о целостном образе, существующем для всей Западной Европы, нельзя, так как такой образ в Средние века не сложился в виде системы и не может быть прослежен в источниках.

¹ Демин А. С. «Слово о законе и благодати» Иллариона. С. 116 – 117.

² Добровольский Д. А. «И до Рима проиде»: отношение к Западной Европе в летописании XI – начала XII в. // Проблемы исторической географии и демографии России. Вып. II. М., 2013. С. 134.

³ Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI – XIV вв.

Первоначально образ Руси создавали хронисты, которые встречались с немногими представителями этого государства, посещавшими Западную Европу. В 839 г. в Бертинских анналах было отмечено прибытие в Ингельгейм к франкскому императору посольства «от народа Рос». Послы возвращались из Византии и просили пропустить их через территорию империи франков, так как прямой путь на родину им преграждали печенеги. Однако император, быстро выяснив, что послы являются скандинавами, т. е. теми же норманнами, перед набегами которых тогда трепетала вся Западная Европа, заподозрил в них лазутчиков и распорядился задержать. Таким образом, первые ассоциации, связанные с Русью, оказались у западноевропейцев негативными.

В IX – начале X в. контакты европейцев и русов были скорее случайны, чем закономерны. К тому же части Каролингской империи были заняты внутренними раздорами и противостоянием норманнам, испанским мусульманам и венграм, а Римский папа как центр западно-христианского мира был занят своими «внутренними» проблемами вплоть до X в.

Русы, по западным убеждениям, находились на далекой окраине освоенного мира, почти у его пределов, не являлись христианским народом, от собственно «европейского пространства» их отделял целый пояс языческих раннефеодальных государств на стадии становления (Польское государство, Великая Моравия, Венгрия, Скандинавия, земли прибалтийских племен). Все это говорит о том, что русы (как, впрочем, в это время и викинги, поляки, венгры) не относились европейцами к культурному, освоенному, «своему» пространству.

К концу XI – XII в. после принятия христианства Русь в понимании европейцев уже перестала быть «варварской пустыней». Постоянными становятся рассказы о благополучии Руси, изобилии и дешевизне ее товаров. Она представлялась христианской страной и в отличие от восприятия русов в Византии не являлась для Запада чем-то пугающим и апокалиптическим. Вот одна из ее характеристик, относящаяся к XII в.: «Польша с одной из сторон соседит с Русью, она же Рутения... В ней народ русский, коснеющий в праздности, со страстью предающийся охоте и неумеренному чревоугодию, почти никогда не преступает границ своей страны»¹.

¹ Фогель А. С. Указ. соч. С. 84.

В целом в литературе до XIII в. образ Руси лишен каких бы то ни было негативно-оценочных суждений и компонентов, демонстрируя черты, типичные для стереотипных представлений о «землях неизвестных», наиболее ярким примером здесь выступает сказочное богатство русов. Для Запада русские земли являются окраиной христианского мира, на которую постепенно распространяется свет веры, хотя и не католической, но все же христианской. Древняя Русь не отделялась от Европы и виделась пусть и не самой близкой, но все же органичной ее частью. В политическом сообществе европейских держав домонгольская Русь воспринималась как страна, типологически не отличавшаяся от других стран, как элемент европейской системы.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите примеры экономических, политических и культурных контактов Древней Руси с западным миром.
2. Какие факторы влияли на конструирование образа Руси в Европе в X – XIII вв.?
3. Почему, на ваш взгляд, этнические представления о Западе в средневековый период были заменены религиозными?
4. Как изменялся образ Руси в Европе в период с X по XIII в.?
5. Можно ли говорить о формировании целостного образа Руси на Западе?

Глава 4. РУССКИЕ ЗЕМЛИ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ (XIII – XV вв.)

Важным этапом в развитии взаимных представлений Руси и Европы стал период XIII – XV вв.

Говоря о важнейших исторических событиях и факторах, оказавших влияние на взаимоотношения Руси и Европы в этот период, следует отметить огромную роль **монголо-татарского завоевания русских княжеств** и установившейся вследствие нашествия зависимости. Острая дискуссия относительно степени монгольского влияния на исторические судьбы русских земель, развернувшаяся еще в середине XIX в., актуальна и в контексте изучения взаимоотношений России и европейского мира.

Еще в дореволюционной историографии была сформулирована концепция, согласно которой «Сень варварства, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу». Наиболее систематизированно подобная точка зрения представлена в работах В. В. Каргалова, который приходит к выводу о том, что вследствие установления ордынского владычества и ослабления русских княжеств обострились отношения с Польшей и Литвой. Русь лишилась важного торгового пути к Балтийскому морю по Западной Двине, а войны на западной границе затрудняли связи со странами Центральной Европы. Вместе с тем связи русских княжеств с Юго-Восточной Европой и Балканами в XIII – XIV вв. были сохранены, чему способствовала этническая и религиозная общность.

Безусловно, с такими оценками следует согласиться: среди важнейших последствий монголо-татарского завоевания стало ослабление экономических, политических и культурных связей с западным миром. В период монгольского ига русские земли были резко отброшены с былых экономических позиций, утратили на некоторое время конкурентоспособность.

В то же время ряд исследователей отмечают, что господство Золотой Орды на некоторое время стало фактором сближения древнерусских князей и Рима на основе общей заинтересованности в борьбе с Золотой Ордой. Западноевропейские католические идеологи во главе с папским престолом восприняли создавшуюся в середине XIII в. ситуацию как наиболее благоприятную для распространения католичества на всю Европу, а за счет крещения монголов – и на всю их «мировую империю». Развитие этих контактов привело к заключению церковной унии между Галицкой Русью и Римом и к присылке Даниилу Галицкому королевской короны от папы. 40 – 50-е гг. XIII в. стали временем тесного сближения Галицкой Руси с целым рядом государств католической Европы. Однако в конце XIV в. Галицко-Волынское княжество утратило свою независимость и было разделено между Литвой и Польшей.

Анализируя условия геополитического развития русских княжеств, находившихся в XIII в. перед выбором внешнеполитической ориентации между Европой и Золотой Ордой, русский историк Г. В. Вернадский писал: «...устоять и спастись в борьбе одновременно на два фронта Русь не могла. Предстояло выбирать между Востоком и

Западом. Выбор был сделан в пользу Востока». В новых условиях Золотая Орда гарантировала защиту границ княжеств от внешней агрессии, выступала союзником в походах князей на западных соседей, не вмешиваясь во внутренние дела русских земель. Внешние политико-экономические связи русских земель были в значительной степени переориентированы на Восток. Исключением были довольно тесные торговые связи Великого Новгорода с городами и государствами севера Европы.

Важным фактором взаимоотношений русских земель и западного мира стала **экспансия католических государств севера Европы** в традиционную зону русского влияния на восточном побережье Балтийского моря. Имеются в виду вторжения в Новгородскую землю шведских войск, а затем и войск Ливонского ордена, которые завершились разгромом захватчиков на реке Неве, а затем на льду Чудского озера. В отечественной исторической науке сложилось довольно устойчивое мнение о том, что указанные выступления шведов и крестоносцев представляли собой крестовый поход против Руси, организованный папской курией, и что именно эти события означали конфессиональный разрыв между Русью и латинским миром. Однако, как убедительно доказал Б. Н. Флоря, такой разрыв произошел не сразу, и события 1240 – 1242 гг. не имели переломного значения в истории отношений Древней Руси и католического мира. «Для немцев и шведов это было продолжение войны за покорение язычников, живших под властью Новгорода, для Новгорода их вторжение было обычным (хотя и крупным по масштабу) проявлением враждебной политической экспансии».

Вместе с тем положение меняется в 50 – 60-х гг. XIII в., когда в 1257 г. была разорвана церковная уния между Галицкой Русью и Римом и Папа объявил крестовый поход против «литовцев, ятвягов и русских и других язычников и схизматиков». С этого времени берет начало практика объявления крестовых походов против Руси и получает распространение практика «пожалования» русских земель католическим государям и государствам¹.

¹ Флоря Б. Н. Древняя Русь, папство и католический мир в XIII в. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1994. С. 70 – 72.

В течение XIV в. могущество геополитических соседей Руси – Византийской и Монгольской империй – почти одновременно начинает падать. В то же самое время разрозненные княжества русского северо-востока были объединены в мощное централизованное государство, получившее условное историографическое название «Московская Русь». Объективно отдаляясь от Запада, Русь получила основания для самостоятельного национального становления и самоидентификации благодаря свободе религиозного исповедания. Следует отметить, что это происходило незаметно для европейских монархий, занятых проблемами из области межнациональных и внутренних распрей.

Возобновление контактов западного мира с далекой Московией было связано в значительной мере с участием русского посольства в **Ферраро-Флорентийском соборе** 1438 – 1439 гг., на котором была провозглашена уния между католической и православной церквями. Она была обусловлена турецкой угрозой Византии: правящие круги последней ценою унии рассчитывали получить помощь Запада против турок. Папство же посредством унии надеялось подчинить своему влиянию православную церковь, а вместе с ней и страны Восточной Европы. Русская церковь, выбирая между веротерпимостью монгольских завоевателей и потенциально доминантным влиянием Рима, отказалась присоединиться к Флорентийской унии в 1439 г., что отделило православную церковь от греческой и других важнейших церквей. Этот выбор, очевидно, определялся справедливыми политическими расчётами, но создал ситуацию противостояния между Западом и Россией, распространявшегося при этом не только на церковь, но и на власть, и население.

Устойчивый интерес к Московии в Европе возник только после падения Византии (1453 г.), поскольку в Москве увидели потенциального союзника против растущей турецкой экспансии. Именно этими планами Ватикана был обусловлен брак Ивана III и проживавшей в Италии византийской принцессы Софьи Палеолог, с которой приехало в Московскую Русь немало итальянцев и греков. В правление Ивана III налаживаются контакты с Папской курией и Священной Римской империей германской нации, заключается военно-политический союз с Данией, регулярным становится обмен посольствами с Венецией и другими государствами Северной Италии. За исключением взаимоот-

ношений Москвы с пограничными ей странами-конкурентами (Литвой/Польшей и Орденом) во всех остальных случаях стороны демонстрировали позитивный взаимный интерес. Россия Ивана III проявила интерес к европейским достижениям трех видов: к техническому мастерству (прежде всего в области каменного строительства), к оружейному, особенно пушколитейному делу, а также к хитростям дипломатической службы. Вместе с тем планы соединения церковью русское правительство решительно отвергло. Оно уклонилось также от присоединения к антитурецкой лиге, создаваемой усилиями Империи и Рима, поскольку борьба с Турцией, не угрожавшей непосредственно России, не соответствовала ее интересам.

Каким же было взаимовосприятие русского и западноевропейского обществ изучаемого периода? С середины XIII и до XV в. западные купцы и другие путешественники попадали в Московию довольно редко, по большей части случайно, что способствовало выпадению русских земель из внимания западноевропейских хронистов. В этой связи основными механизмами формирования образа «чужого» в Европе того времени выступали некоторые документы западной церкви, прежде всего папские буллы. Уже в буллах начала 30-х гг. XIII в. Григория IX польскому духовенству запрещались браки между «приверженцами Христа-Спасителя» и «приверженцами погибшего Сатаны», под которыми имелись в виду православные русские. В другой его булле приведен говорящий сам за себя перечень: «сарацины, русские и другие враги католической веры». В булле Урбана IV 1264 г. содержится призыв в защиту Польши, которую одолевают «русские схизматики и литовцы, как и другие жители в их соседстве, не чтущие Бога, но злословящие имени Его, вместе с их сообщниками татарами...»¹.

Чем же было обусловлено столь резкое изменение восприятия европейцами русских? В первую очередь политическими причинами: в середине XIII в., вскоре после монгольского нашествия, папство попыталось втянуть Русь в союз против степняков, а заодно и навязать ей католичество, но не преуспело ни в том ни в другом. Поэтому русские и объявляются «схизматиками», пособниками татар, им отказывают

¹ Кудрявцев О. Ф. «Другой мир»: характерные черты восприятия Руси и русских средневековым Западом // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света : сб. ст. в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011. С. 508.

даже в праве называться христианами, которым они решительно противопоставляются. Важно отметить, что папские буллы и подобные им документы не хранились втайне, наоборот, по большей части они читались пастве и распространялись среди населения стран, прежде всего пограничных с Русью, поэтому содержащийся в них образ русских и Руси проникал в общественное сознание европейцев, которые все более исполнялись убеждением, что их православные соседи принадлежат к чуждому и враждебному им миру. В XIV в. религиозные мотивы в противостоянии западного мира и Руси сохраняют свою прежнюю силу.

Важно отметить, что почти все, что писалось о Руси XIII – XIV вв., было создано авторами, с ней непосредственно не знакомыми, использовавшими сведения, которые были получены от других людей, порой тоже ее не видевших, или из чужих сочинений. Первые же сочинения европейцев, действительно посетивших таинственную и далекую Московию, были написаны лишь в середине второй половины XV в. Это весьма отрывочные записи, порой встроенные в контекст более широких повествований, выходящих за рамки описания только Московии. Наиболее ценными источниками из них являются «Описание Московии» венецианца Иосафата Барбаро и труд Амброджо Контарини (венецианец из знатного патрицианского рода посетил Московскую Русь в 1474 и 1476 – 1477 гг., выполняя дипломатическую миссию к персидскому шаху). Эти сочинения позволяют проследить постепенное формирование в XV – XVI вв. на западе Европы представления о Московском государстве как «неевропейской стране».

Московскую Русь Контарини описывает как огромную северную страну, покрытую труднопроходимыми лесами, с довольно редко расположенными поселениями. Привычки и поведение обитателей Руси Контарини характеризует в таких же угрюмых тонах, в каких он описывает ее природные условия. Дважды он прямо говорит об их скотских, звероподобных (bestial) нравах, особенно отмечая склонность к пьянству. Местные обычаи были ему столь не по нутру, что, по его неоднократным уверениям, он готов был вытерпеть любые трудности пути, лишь бы избавиться от них.

Эти две черты – северное местонахождение и варварские нравы и установления – вместе или порознь стали наиболее устойчивыми стереотипами восприятия и характеристики русских в средневековых и

ренессансных документах и сочинениях по космографии. Для современного европейца русские, как и татары, а уж тем более турки – это восточные соседи. Однако в Средние века и в эпоху Возрождения их воспринимали так же, как скифов в древности, т. е. как обитателей северных окраин ойкумены, более того, зачастую просто считали народностями скифского корня. Уже древние мыслители проводили жесткое разграничение между народами, живущими на севере и юге, с одной стороны, и в срединной части земли – с другой. Таким образом, получается, что русские как бы местом своего обитания обречены быть варварами; вместе с другими народами, живущими в холодном климате, представляют особую, северную породу, или расу, в силу неразвитости ума и прочих способностей чуждую цивилизации и культуре и даже враждебную истинной вере. То есть они варвары по природе¹.

Что же касается обычаев русских, немаловажно отметить, что в диалог вступили две «разновременные» культуры – русская средневековая традиционная и уже охваченная начальной стадией модернизации западноевропейская. Для европейца, воспитанного в традициях ренессансного гуманизма с пониманием свободы как основного свойства человеческой природы, социально-политические идеалы средневековой Московии были непонятны и рождали спонтанное отторжение. Отторжение – это то ощущение, которое наполняет, а часто и определяет акценты трудов иностранцев о России.

Каким же виделся Запад на Руси XV столетия? Позволяющие ответить на этот вопрос источники немногочисленны. Единственным русским источником, систематически сообщающим о странах западного мира, являются русские летописи. Великокняжеское летописание уделяло значительное внимание западным связям России. Известия о связях с западноевропейскими странами – Италией, Священной Римской империей, Данией – появляются по мере того, как возникают эти самые связи. Летописцы в своих трудах отразили важнейшие церковно-политические события Европы XV в.: Флорентийскую унию (известия о ней, по понятным причинам, имеют ярко выраженный антилатинский характер), переговоры с папским престолом по поводу

¹ Кудрявцев О. Ф. О некоторых стереотипах восприятия России и русских в «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4. С. 56.

брака Ивана III, заключение союзных договоров с Империей в 1491 г. и Данией в 1493 г. и пр. Но, сумев отразить главное, составители летописей проявляли односторонний подход к «западным известиям»: они фиксировали только факты. О самих странах Запада, их внутри- и внешнеполитической жизни фактов почти нет, что затрудняет изучение образа «другого».

Но даже в жестких рамках принятого типа известий летописцы сообщали некоторые сведения о самих западноевропейских странах: имена их правителей, церковных деятелей, отдельные сведения об общественно-политической жизни Европы. Интересен в этом плане перечень западноевропейских народов, чьи представители участвовали в работе Флорентийского собора. Перечень называет «аламан» (южных немцев), «фрязов» (итальянцев), «калатин» (каталонцев), «френчюк» (французов), «беребеан» (британцев), «кофеан» (жителей генуэзской колонии в Крыму Кафы). Этот перечень свидетельствует о том, что русским книжникам XV в. был известен довольно широкий круг европейских народов¹. Интересно, что и само название «Европа» в русской письменности появляется в то же время, когда оно утверждается и на Западе – во второй половине XV в.².

Важными источниками являются хождения в страны Центральной и Западной Европы, прежде всего в Германию и Италию, датируемые 30 – 40 гг. XV в. Наиболее информативным для нас представляется «Хождение во Флоренцию 1437 – 1440 гг.» неизвестного автора, которое содержит описание путешествия русского посольства на Флорентийский собор и обратно на Русь. Маршрут посольства шел через такие европейские города, как Любек, Люнебург, Брауншвейг, Лейпциг, Нюрнберг, Аугсбург в Италию.

Несмотря на церковные задачи посольства, его участник предельно кратко отображает работу Ферраро-Флорентийского собора. Автор «Хождения» запечатлел в первую очередь то, что бросалось в глаза и отличало привычный ему мир от увиденного западного. Он передал облик западных городов с их каменными зданиями, черепич-

¹ Казакова Н. А. Известия русских летописей о Западной Европе XV – начала XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. IX. Л. : Наука, 1978. С.198.

² Там же. С. 214.

ными кровлями, каналами, фонтанами. Он сумел воспроизвести и неповторимые черты, которые придавали отдельным городам особенности их географического положения, например, расположенной на островах Венеции. Привлекли его внимание выдающиеся памятники архитектуры, такие как церковь Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции и собор св. Марка в Венеции. Не остались безразличны русскому путешественнику картины иной, чем на родине, природы (величественные, сверкающие на солнце снежные вершины Альп, грозная буря на море и пр.).

Также автор сумел разглядеть и некоторые особенности образа жизни населявших страны Европы народов. Его внимание привлекли в первую очередь занятия городского населения – торговля, ремесло. Он подчеркивает торговое значение таких городов, как Любек, Нюрнберг, Флоренция; международные торговые связи Венеции; записывает цены на продовольственные товары в Ферраре. Русский путешественник отметил высокий уровень развития ремесла в Эрфурте и особенно во Флоренции; для последней он специально выделяет, в частности, шелководство и шелкоткацкое ремесло (изготовление шёлковых тканей занимало важное место в ремесленном производстве Флоренции, и цех шелкоделов, возникший в 1218 г., являлся одним из старейших). Сделал автор запись и о чеканке денег в городе «Люблеве». Заинтересовал его и необычный для Руси способ соледобычи путем выпаривания морской воды под солнечными лучами на Адриатическом побережье. О культуре и жизни западных стран автор пишет с большим уважением, восхищаясь достижениями техники и искусства.

Таким образом, у автора «Хождения» нет ни тени враждебности по отношению к Западному миру, хотя этот мир был католическим и русский путешественник попал в него в момент, когда вопрос о церковной унии способствовал подъему ортодоксально-православных настроений. Чужой мир не пугает, а, скорее, вызывает интерес. Впечатления содержат оценки: хорошее – плохое, красивое – некрасивое.

Перу участника посольства на Ферраро-Флорентийский собор принадлежит еще одно произведение, известное под названием «Исхождения Авраамия, епископа Суздальского». Вслед за рукописной традицией исследователи считают автором произведения Авраамия, находившегося на епископской кафедре в Суздале в 30 – 40-х гг. XV в.

Важными для нас в его «Исхождении» являются впечатления, которые автор получил при соприкосновении с театральной культурой Запада, являясь свидетелем мистериальных представлений «Вознесение» и «Благовещение». Театральные представления, которые русские люди видели впервые, произвели на Авраамия огромное впечатление: он пишет о них без всякого предубеждения, с большим эмоциональным настроением как о «красном и чудном видении», которое «умилно и отнюдь неизреченная веселия исполнено». Автор передает не только их сюжеты и ход действия, но и подробности сценической обстановки: длину и ширину помоста (сцены), цвет и рисунок занавеса, одеяния действующих лиц, декорации, световые и шумовые эффекты, технические приспособления, при помощи которых осуществлялись сложные для того времени перемещения.

Таким образом, изложенные здесь факты позволяют наметить общую тенденцию в изменении восприятия стран Европы и Московского государства. Как принято утверждать в научной литературе, в конце XV в. произошло европейское «открытие» России, в связи с чем «образ других» подвергался трансформации: если усилия путешественников XIII – XIV вв. были направлены на сбор прежде всего религиозно-культурной информации, то с конца XIV в. появляется интерес к светской общественно-политической и государственной жизни европейских народов. С этого периода Россия и Европа смотрят друг на друга как на «значимого другого».

Вопросы для самоконтроля

1. Почему религиозные мотивы в противостоянии Руси и Запада в XIII – XV вв. продолжали играть важную роль?
2. Какие события привели к конфессиональному разрыву и противостоянию между Русью и латинским миром?
3. Когда произошло европейское «открытие» России? Чем оно было обусловлено?
4. Какую роль в формировании образа России сыграли природно-географические условия?
5. Охарактеризуйте первые работы европейцев о Московии второй половины XV в.

Глава 5. ФОРМИРОВАНИЕ ДИХОТОМИИ «ЗАПАД – ВОСТОК» (XV – XIX вв.)

Политическое деление регионов по сторонам света присутствует во многих традиционных культурах. Римская империя в поздний период своего существования также претерпела размежевание на Запад и Восток. Эту традицию унаследовали в дальнейшем средневековые государства. Однако прямого заимствования античных категорий в данном отношении не наблюдалось. Гораздо более значимой в Европе эпохи Ренессанса оставалась дихотомия «Север – Юг». Причём последняя категория в ментальной карте европейцев включала блестящее наследие Греции и Рима. Н. Макиавелли описывал вторжение французского короля Карла VIII в Италию в 1499 г. как нашествие варваров. Схожим образом было воспринято взятие и разграбление Рима Карлом V Габсбургом в 1527 г. Такая расстановка акцентов оказалась очень устойчивой и просуществовала до эпохи Просвещения. Тем не менее многие путешественники XVIII в., посещая Восточную Европу, переносили на неё привычные им оценки. Например, британский путешественник У. Кокс, опубликовавший в 1785 г. «Путешествия через Польшу, Россию, Швецию и Данию», всё ещё объединял данные страны в категорию «северных»¹.

Русские земли в период ордынского владычества не выступали как субъект международной политики. Русь заявила о своей самостоятельности в правление Ивана III и начала активное установление дипломатических связей с европейскими странами (в частности, со Священной Римской империей). Сам процесс освобождения северо-восточной и северо-западной Руси от Орды нашёл отклик прежде всего в славянских странах. Польский историк Ян Длугош в своей «Хронике» впервые употребил термин «иго» применительно к эпохе ордынской зависимости.

Благодаря изоляции Руси в ордынский период представления европейцев о территории нашей страны базировались на средневековых традициях. В 1436 г. вышло собрание морских карт венецианского картографа Андреа Бьянко. Оно было сопровождено картой мира, где нашлось место и территории Руси. Русь помещена там на севере (со-

¹ Вульф Л. Указ. соч. С. 35 – 36.

гласно картографической традиции – сверху) и обозначена как *im-
region rosie magna*. Интересно, что русские земли там обозначены как
царство (империя), хотя сами русские князья подобных претензий ещё
не высказывали¹. В среднем течении Танаиса (Дона) располагалась
imregion tartarorum. Малая Русь (польско-литовская) на карте отсут-
ствовала. К периоду между 1410 и 1458 гг. относится появление ещё
одной карты (кардинала Борджиа). Она примечательна тем, что все
моря Восточной Европы в ней связаны друг с другом реками. Данный
факт провоцировал возникновение заманчивых, но неосуществимых
проектов по налаживанию торговых маршрутов между Европой и
Азией. Подобную авантюру безуспешно пытался осуществить генуэз-
ский купец Паоло Чентурионе. Таким образом, к моменту обретения
Россией суверенитета европейцы имели о ней лишь смутные представ-
ления².

Между тем в самой России Запад представлялся как единое це-
лое. Для обозначения западноевропейцев использовалось недифферен-
цированное слово «немцы» (т. е. не знающие славянского языка). Од-
нако итальянцы выделялись в особую категорию и назывались
«фрязи». Возможно, причиной тому стало укрепление русско-итальян-
ских связей в XV – XVI вв. В русские земли итальянцы попадали глав-
ным образом через колонию генуэзских купцов в Суроже (Крым).
В правление Ивана III и Василия III в Россию прибыли итальянские
мастера Аристотель Фиорованти, Марко Фрязин, Пьетро Франческо,
Алевиз Новый, а также известный интеллектуал Максим Грек (этниче-
ский грек, но прибыл из Италии).

Важным аспектом взаимоотношений России и Европы в раннее
новое время была религия. Вообще, о существовании наций на тот мо-
мент можно говорить лишь условно. Окружающий мир большинства
населения ограничивался рамками прихода, а универсальные катего-
рии соотносились, скорее, с церковью. Представления о самобытности

¹ «Царём» в русских текстах ордынского периода принято было называть сарайского хана. Только деятельность митрополита Зосимы и ростовского епископа Вассиана Рыло подтолкнёт Ивана III к оспариванию суверенитета у Орды. (Горский А. А. Русь: от славянского расселения до Московского царства. URL: https://statehistory.ru/books/Anton-Gorskiy_Rus-Ot-slavyanskogo-Rasseleniya-do-Moskovskogo-tsarstva/20 (дата обращения: 06.11.2021)).

² Кудрявцев О. Ф. Царство Севера: Россия/Русь на картах мира в первой половине – середине XV в. Гл. 4. // Свои и Другие. М., 2020. С. 85 – 86, 89.

начали развиваться на Руси в контексте антикатолической богословской полемики XI – XV вв. Поражение Ливонского ордена в Грюнвальдской битве (1410 г.) сделало Польшу главой католической экспансии на востоке. Наконец, Ферраро-Флорентийская уния православной и католической церквей и последующее падение Константинополя в 1453 г. оставило православную церковь без лидера. Обозначенные события, однако, не сделали автоматически Москву «новым Римом». Современные историки относят складывание имперских притязаний Москвы как центра православного мира к XVII в. Для XVI в. и более раннего периода свойственно помещение внешнеполитических притязаний в национальный (русский) контекст. «Вотчинные» претензии российских царей генеалогически обоснованы в таких памятниках, как «Сказания о князьях владимирских», «Никоновская летопись», «Степенная книга»¹.

Всё же к началу XVI столетия устойчивых негативных стереотипов о России не существовало. Об этом свидетельствует высокий титул Василия III в глазах европейцев. В немецких источниках он именуется «кайзером», т. е. императором. Возможно, дело в том, что выходящее на внешнеполитическую арену крупное государство пытались вовлечь в свои проекты различные силы Европы. Писатель П. Иовий, а также советник австрийского эрцгерцога И. Фабри приписывали России роль борьбы с протестантами и турецкой угрозой. Ряд католических интеллектуалов в силу этой тенденции позитивно оценивали религиозное равнение русских (несмотря на определение их как схизматиков)².

Впервые принципиальное размежевание Европы с Россией как с негативным «другим» прослеживается к середине XVI в. Исследователи выделяют целый ряд причин этого, связанных с деятельностью

¹ Усачёв А. С. «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников) // *Общественные науки и современность*. 2012. № 1. С. 84.

² Черникова Т. В. Проблема взаимовосприятия русского и западноевропейского обществ XV – XVII вв. в отечественной историографии // *25 лет внешней политике России: сб. материалов X Конвента РАМИ* (Москва, 8 – 9 дек. 2016 г.). В 5 т. Т. 3. История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии / под общ. ред. А. В. Малыгина ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации ; Рос. ассоц. междунар. исслед. (РАМИ). М., 2017. С. 198.

как российских властей, так и европейских стран. Эпоха Великих географических открытий, приведшая к широким завоеваниям за пределами континента, породила колониальный тип отношения к незападным народам. На Россию переносится ряд черт азиатского Востока, которые были специфически восприняты европейцами в духе ориентализма. Помимо того, Литва и Польша (при поддержке папской курии) на протяжении всего XVI в. безуспешно пытались склонить Россию к унии. Обе причины стимулировали восприятие русских не просто как «других христиан», но именно как варваров.

В 1520-е гг. Россию посетил посол австрийского императора С. Герберштейн с целью склонить русского государя к антитурецкому союзу. Подобная коалиция вряд ли могла осуществиться, поскольку требовала примирения с Литвой, с которой Москва вела ожесточённые пограничные войны, а также имела принципиальные претензии насчёт «древнерусского наследия». Провал своей дипломатической миссии Герберштейн стремился объяснить особенностями самих «москвитов». Его «Записки о Московии», изданные в 1549 г., задали тип и форму повествования европейцев о России. Произведение пользовалось огромной популярностью: к концу столетия оно выдержало 22 переиздания¹.

Другим фактором складывания негативного образа России стала Ливонская война. По мнению историка А. И. Филюшкина, выход к Балтике вовсе не являлся главной целью Ивана Грозного. Его интересовал в первую очередь раздел ослабевшего Ордена, подававшийся как борьба наследника киевских князей за юрьевскую (дерптскую) вотчину². Агрессивная по сути со стороны московского государя война спровоцировала обеспокоенность новой (по отношению к Турции) угрозой с востока. Несмотря на очевидное для европейцев христианское вероисповедание населения Руси, Россию иногда ассоциировали с врагами христианского мира, помещая в один ряд с Османской империей. Именно с 70-х гг. XVI в. Речь Посполитая стала осознавать себя

¹ Неменский О. Б. Русофобия: Аналитические обзоры РИСИ / под ред. д-ра социол. наук И. А. Романова ; Рос. ин-т стратег. исслед. М.: РИСИ, 2014. С. 7 – 8.

² Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 623, 628.

форпостом христианского мира. Идентичность же России в глазах Запада формировалась по принципу сосредоточений в ней всего политического и культурного негатива. Свою лепту в ухудшение имиджа нашей страны внесли опричнина и в целом слабо ограниченная центральная власть, которая на Западе воспринималась как тирания. Поместная система, заимствованная, по утверждению С. А. Нефёдова, из Турции, дополняла образ «восточной деспотии»¹.

Надо иметь в виду, что именно Речь Посполитая в тот период была главным ретранслятором образов России в Европу. Стремясь пресечь претензии Российских государей на «вотчину св. Владимира», польские авторы (М. Меховский, М. Кромер, А. Гваньини) подчёркивали различие между русинами в Речи Посполитой и русскими в Московском государстве². Теми же соображениями объясняется отказ Речи Посполитой признать титул «царя всея Руси» за Иваном IV и его преемниками вплоть до Переяславской рады. Притязания Речи поддерживал и папский престол (хотя в отдельные периоды, питая надежды на унию, проводил и более гибкую политику). Поэтому в европейских текстах XVI – XVII вв. Россия фигурирует, как правило, под наименованием «Московия». При этом само название «Россия» на территории нашей страны стало распространяться только в XVII в., ранее же использовались более традиционные формы – Русь, Русия.

Пиком враждебности России и Европы следует считать Смутное время. «Сказание о Гришке Отрепьеве», написанное при царе Василии Шуйском, наделяет признаками «чужих» как католиков, так и протестантов, а в национальном отношении – немцев, венгров и поляков. Запад выступает здесь как коллективный враг. Естественной формой национальной солидарности на тот момент оставалась религия. В дальнейшем отторжение иностранцев также происходило по религиозным мотивам. Однако, по мнению Т. В. Черниковой, различие вер как таковое не препятствовало контактам с иноземцами. Городские слои были

¹ Нефёдов С. А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 30, 37, 49.

² Флоря Б. Н. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху средневековья – раннего нового времени. URL: <http://litopys.org.ua/vzaimo/vz02.htm> (дата обращения: 06.11.2021).

открыты к западным новшествам. Религиозная риторика, скорее, представляла собой идеологическую форму, отражавшую различие в образах жизни¹.

В XVII в. традиционная русская культура вступила в соприкосновение с модернизирующейся западноевропейской, что и порождало соответствующую ответную реакцию. К концу столетия отмечается размывание взаимных стереотипов (не их исчезновение). О глубине европеизации свидетельствует библиотека из переводных европейских книг, собранная служащими посольского приказа. Реабилитация Запада в глазах русских связывалась с признанием за ним права на нерелигиозную мудрость. Но жёсткую оппозицию вызывало именно стремление навязать чуждую культуру в принципиальных вопросах, связанных с национальной идентичностью. Реформа патриарха Никона спровоцировала конфликт благодаря тому, что проводилась с использованием памятников кириллической письменности из Речи Посполитой. Несмотря на общее увеличение количества иноземцев, их интеграции в местное население не происходило. Сразу после получения патриаршего сана Никон в 1652 г. настоял на выселении иностранцев за пределы Москвы. Так появилась около реки Яузы Немецкая слобода. По мнению М. Ю. Лотмана, враждебность русских к «дающей» культуре связана с болезненным осознанием её превосходства².

Представление о взглядах европейцев на Россию XVII в. даёт произведение А. Олеария «Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию», опубликованное в 1647 г. Олеарий – учёный Лейпцигского университета. Он посетил Россию в составе посольств шлезвигского герцога в 1633 – 1635 и 1635 – 1639 гг. Ещё раз ему довелось посетить нашу страну в 1643 г. Сочинение Олеария отличается насыщенностью фактами, скрупулёзностью данных, систематизацией материала и в целом носит характер справочника. Несмотря на свои протестантские убеждения, автор стремился придерживаться принципа объективности при описании реалий инокультурной среды³.

¹ Черникова Т. В. Указ. соч. С. 194 – 195.

² Там же.

³ Лимонов Ю. А. Россия в западноевропейских сочинениях XV – XVII вв. // Россия XV – XVII веков глазами иностранцев. Л., 1986. С. 11 – 15.

С конца XVII в. в Англии складывается интеллектуальный и культурный феномен, названный впоследствии «эпохой Просвещения». С 20-х гг. XVII в. завязываются контакты английских и французских просветителей, тем самым процесс приобретает международный масштаб. Отдельные его элементы проникают в Россию ещё при Петре I. В XVII – XVIII вв. Англия и Голландия делают стремительные шаги на пути развития капитализма и гражданских институтов. Схожие тенденции, но со своей спецификой наблюдаются и во Франции. Регион же к востоку от реки Эльбы становится сырьевой периферией, производящей главным образом зерно. Поэтому Запад начинает утверждать свою монополию на цивилизованность. К 1760-м гг. (усилиями, в частности, П. Гольбаха) меняется и само понятие цивилизации, призванное теперь выражать признаки западноевропейских обществ. Цивилизация уже ассоциируется не столько с сильным государством, развитыми искусствами, науками и ремёслами, сколько с наличием гражданских и политических свобод. Таким образом, «варварский» (с негативной оценкой или без) Восток приобретает содержательное наполнение.

Просвещение подразумевало также идею прогресса – поступательного органического развития общества на пути к цивилизации. Поэтому Восточная Европа, в частности Россия, оказалась помещена в схему своего рода «догоняющего развития». Как утверждал историк идей А. Лортолари, миф о «русском варварстве» сменился мифом о «русской цивилизации»¹. В рамках него формируется концепция «героя-творца», т. е. правителя, который активно ведёт страну по пути прогресса. Эту концепцию развивали, в частности, Фонтенель и Вольтер, обратившие внимание читающей публики на фигуру Петра I. Правда, не все просветители смотрели с оптимизмом на данные процессы. Ш. Монтескьё в знаменитом сочинении «О духе законов» задаётся вопросом: действительно ли с варварством можно покончить только при помощи деспотизма? Он предлагал не изменять обычаи народа принудительно, но побуждать его к тому, чтобы тот изменял их самостоятельно.

Рост числа поездок из Западной Европы в Восточную, как и в обратном направлении, требовал формулирования отношения к полупериферии уже на новой основе. По мнению Л. Вульфа, данный регион рассматривался в Западной Европе как экзотическая полупериферия,

¹ Гордон А. В. Россия в истории французской мысли (XVIII – XXI вв.) // Россия и современный мир. 2013. № 4 (81). С. 77.

пока ещё малопривлекательная. Европейцы эпохи Просвещения, а в значительной мере и XIX в., рассматривали Восточную Европу как переходное звено к Азии, где европейские порядки присутствуют в эклектическом смешении с восточными.

Вследствие Французской революции идеалистический взгляд на Россию сменяется критическим. Империя, ведущая контрреволюционную внешнюю и внутреннюю политику, именуется теперь (главным образом в текстах французских авторов) дикой страной с деспотическим образом правления. Осуждению подвергаются дворцовые перевороты. Некогда «просвещённая императрица» Екатерина II называется «северной Мессалиной» и «русской мегерой». В целом европейские мыслители конца XVIII в. стремились показать провал российской модернизации¹.

Когда Россия в результате наполеоновских войн стала гарантом венской системы, русские правители приобрели определённую популярность в европейских консервативных кругах. (Собственно, сам термин «консерватизм» возник в 1818 г. в условиях венской системы и принадлежит роялисту литератору Р. де Шатобриану). Император Николай I приложил немало усилий для улучшения имиджа России. Легитимисты называли его Дон-Кихотом и царём-рыцарем. Однако этот позитивный образ удалось пошатнуть путешественникам Ж. де Местру и А. де Кюстину, подвергшим российские порядки ожесточённой критике именно с консервативных позиций (подробнее см. в гл. 7). Правда, по инициативе российского правительства написан ряд опровержений оценкам де Кюстина. В 1841 г. опубликована книга А. Ферье де Турет, а двумя годами позднее в Россию приглашён немец А. фон Гакстгаузен, чьё трёхтомное сочинение будет издано на немецком, английском и французском языках.

Что касается либеральной общественности, события 1831 и 1849 гг. (подавление польского и венгерского восстаний) только укрепляли стереотип о России как «жандарме Европы». Пиком данного отношения стала Крымская война 1853 – 1856 гг., на которую откликнулся, в частности, художник Г. Доре. В «Драматической, живописной

¹ Циллюрик Д. Д. Образ России во Франции: формирование матрицы восприятия в XVIII – начале XIX в. URL: <http://mediascope.ru/en/node/1026> (дата обращения: 06.11.2021).

и карикатурной истории Святой Руси» (1854 г.) воспроизводятся в иллюстративной форме все известные стереотипы о России: кнуты, нагайки, пачки крепостных, проигрываемых в карты, и т. д. Также следует учесть, что негативный образ России транслировался русскими эмигрантами (А. И. Герцен, Н. П. Огарёв, И. С. Тургенев, М. А. Бакунин)¹.

Процесс демократизации, охвативший в XIX в. Западную Европу, привёл, как полагает историк М. В. Жолудов, к превращению разрозненных образов России в системную русофобию². Парламентские реформы 1832, 1867, 1884 гг., направленные на расширение электората, усилили зависимость политических сил от общественного мнения, поэтому расширилась возможность использовать общественные настроения в политических целях, где «образ врага» играл существенную роль. Термин «руссофобия» впервые употребил в 1836 г. английский предприниматель и экономист, основатель фритредерской теории Р. Кобдэн. В духе идеи свободной торговли он предлагал расширять коммерческое сотрудничество с Россией, а не воевать с ней. В самой же России слово «руссофобия» впервые использовал в 1867 г. поэт Ф. И. Тютчев в письме к дочери. Примечательно, что здесь он критиковал руссофобию среди самих русских. Популяризовал данное понятие в России зять Тютчева, славянофил И. С. Аксаков, бывший редактором газеты «Москва»³.

Проникновение руссофобии в среду отечественной интеллигенции свидетельствует о серьёзном расколе в её рядах под влиянием западноевропейской мысли. По мнению философа В. К. Кантора, следует разделять понятия «западник» и «русский европеец». Западники нередко разочаровывались в Европе, начинали считать ее «загнивающей». Однако они не оставляли при этом своих прогрессистских принципов (например, А. И. Герцен). Славянофилы же критиковали лишь современный им капиталистический Запад. По их мнению, Россия унаследовала традиционные основы европейской цивилизации. В этом

¹ Козулин В. Н. Россия и Запад. Очерки взаимодействия культур. Барнаул, 2014. С. 95 – 96.

² Жолудов М. В. Руссофобия в Великобритании XIX в. // «Свой»/«Чужой» в кросс-культурных коммуникациях Запада и России. Гл. 16 / отв. ред. Т. Л. Лабутина. СПб.: Алетея, 2019. С. 334.

³ Там же. С. 335.

отношении западники и славянофилы очень близки. Следует также указать и на роль европейских консерваторов (Ж. де Местра) в формировании российского западничества. Русские европейцы (например, К. Д. Кавелин) в противоположность славянофилам не отделяют Россию от Европы, а смотрят на свою родину глазами западного человека. Их главная идея заключается в органическом развитии социальных институтов, аналогичных европейским, а не в механическом заимствовании последних¹.

Европейский взгляд на Россию, как, в свою очередь, и образ Запада, в сознании россиян Нового времени никогда не был единым и однозначным. Образы варьировались в зависимости от эпохи, концепции, разделяемой автором, его личных убеждений, социального положения. Можно выделить периоды знакомства Запада и России во время формирования Русского государства (XV – первая половина XVI в.), и первого противостояния, связанного с Ливонской войной и контрреформацией (сер. XVI – XVII в.). Период же XVIII – XIX вв., ознаменованный формированием политических идеологий, оказался плодотворным с точки зрения создания западных мифов о России: просветительского (XVIII в.), затем консервативного (1789 – 1855 гг.). Крымская война привела к появлению новой идеологемы – системной русофобии.

Вопросы для самоконтроля

1. Каково место Руси/России в западноевропейской картографии позднего средневековья?
2. Каким образом повлияли религиозные и династические притязания московских государей на восприятие России в Европе?
3. Каковы причины взаимного отторжения русских и европейцев в XVI – XVII вв.?
4. Что такое «просветительский миф» о России? Приведите его основные черты.
5. Как изменилось восприятие России европейцами и европейцев в России в связи с формированием политических идеологий? Что такое системная русофобия?

¹ Козулин В. Н. Указ. соч. С. 133 – 134.

Глава 6. РОССИЯ И БРИТАНИЯ В XVI – НАЧАЛЕ XX в.

История российско-британских отношений насчитывает более четырёх столетий и включает в себя всё многообразие торговых, дипломатических и культурных связей. Основная проблематика данной темы была сформулирована её исследователями Н. А. Ерофеевым, А. Б. Соколовым, Т. Л. Лабутиной, Э. Кроссом и др.¹ Она включает в себя такие вопросы, как англофильство русского двора, правовое и финансовое положение британцев в России, цели и взаимная выгода обеих сторон, мнение англичан о русских порядках. Наиболее чёткие и вместе с тем содержательные ответы на поставленные вопросы может дать изучение стереотипов русских и британцев друг о друге.

Начало русско-британским связям было положено в 1553 г., когда капитан Р. Ченслер бросил якорь в районе Северодвинска. Заинтересованные в развитии коммерческих связей с иностранцами, российские власти даровали англичанам значительные привилегии. Они получили право беспошлинной оптовой и розничной торговли и монопольное право на использование северного морского пути. Кроме того, англичане осуществляли транзитную торговлю с Персией. Их прибыль была довольно значительна и составляла до 400 %.

С именем Ивана Грозного связаны также его дипломатические отношения с островным государством, в частности, его брачные планы. В период Ливонской войны он стремился добиться поддержки Англии за счёт женитьбы на королеве Елизавете. Этот план, однако, не был осуществлён, так же как и другой его матримониальный проект – женитьба на родственнице Елизаветы, леди Мэри Гастингс.

Репутацию «ласкателя англичан» имел и Борис Годунов. От имени царя Фёдора Ивановича им была выдана англичанам грамота, подтверждавшая их прежние привилегии. Сам Иван Грозный, а также Борис Годунов в периоды обострения социальной напряжённости планировали эмиграцию в Англию. По сведениям английского посланника Дж. Горсея, государственная казна уже была отослана Годуновым в Соловецкий монастырь. Известно ещё одно мероприятие царя Бориса

¹ См.: Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825 – 1853 гг. М., 1982 ; Соколов А. Б. Навстречу друг другу. Англия и Россия в XVI – XVIII вв. Ярославль, 1992 ; Лабутина Т. Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб. : Алетейя, 2014 ; Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век. СПб., 2005.

в контексте англо-русских связей. В 1602 г. он отправил четверых юношей на обучение в Англию, лишь один из которых справился с возложенной на него миссией.

Значительный британский след присутствует и в Петровских реформах, в частности, в деле создания морского флота, мануфактур, церковных и образовательных реформах, делопроизводстве. В процессе изменения дворянского образа жизни и быта также прослеживается ориентация на английские порядки. Именно форсированный характер реформ, сопровождавшийся насильственным сломом устоев и насаждением чуждых обычаев, обострял неприятие в обществе всего иностранного, приводил к формированию ксенофобии¹.

Надо отметить, что первые контакты с выходцами с Британских островов Пётр I завязал ещё в Немецкой слободе в 90-е гг. XVII в. К его знакомым из этого круга относятся офицер П. Гордон, лейб-медик царя Р. Арскин, генерал Я. Брюс (выдающийся учёный, в дальнейшем сенатор). Царь лично побывал в Англии в январе 1698 г. в ходе «великого посольства», а несколько ранее в Утрехте беседовал с английским королём и штатгальтером Голландии Вильгельмом III Оранским.

Некоторые из иностранных специалистов британского подданства, нанятых на русскую службу, оставили интересные воспоминания о стране пребывания. Прежде всего, заслуживает внимания Дж. Перри, прибывший в Россию в 1698 г. В 1716 г. после возвращения на родину он издал книгу воспоминаний. В ней британец описывает различные аспекты петровских реформ; указывает на отсутствие у государя способных и мотивированных помощников в его деле; критикует чиновничество, что, вероятно, проистекало из его профессиональной деятельности. Например, упоминает он о задержках в выплате жалованья при строительстве Волго-Донского канала. Отмечает пассивность русского народа, к которому приходится применять жестокие меры для мобилизации его на работы. В целом у Дж. Перри доминируют негативные характеристики русских: вероломство, бесстыдство, грубость.

Морской офицер Дж. Ден, находившийся с 1711 г. на русском флоте, в дальнейшем опубликовал «Историю Российского флота в царствование Петра Великого». Там он указывает на характер и проблемы

¹ Лабутина Т. Л. Англomania политической элиты в России в XVI – XVIII вв. // Западный мир и Россия. М., 2019. С. 149.

строительства морского флота в России; отмечает проблему укомплектования кораблей матросами и офицерами; делает выводы о невысоком профессионализме русских специалистов; описывает недовольство народа нововведениями. Причину низкой заинтересованности русских Дж. Ден видит в деспотической форме правления.

Шотландский капитан П. Брюс уделяет большое внимание такому проявлению русской идентичности, как православие. Он даёт весьма нелицеприятные характеристики священникам, саму же православную религию упрекает в пристрастии к суевериям. Негативно отзываясь о традициях поста и разговения (вредных, в его понимании, для здоровья). Похожие характеристики православию будут давать британцы и значительно позднее (Ф. Дэшвуд, Дж. Кук). Дипломат Ч. Уитворт, состоявший чрезвычайным посланником в Москве в 1705 – 1710 гг., извещал государственного секретаря Великобритании о состоянии российских вооружённых сил, т. е. выполнял, по существу, шпионские функции. По его словам, на первый взгляд многочисленная русская армия имеет ряд внутренних проблем, в частности, недоукомплектованность офицерского корпуса. Подобные характеристики будут встречаться у других иностранцев ещё спустя десятилетия.

В период Северной войны 1700 – 1721 гг. Великобритания придерживалась прошведской ориентации. Британская публицистика того периода была настроена антироссийски. Знаменитый писатель и памфлетист Дж. Свифт в журнале «Экзаминар» за 1713 г. называл русских нацией дикарей. Аналогичной позиции придерживался философ Б. Мандевиль. Однако имелись и другие мнения. Писатель Д. Дефо в журнале «Консолидейтор» считал Петра I человеком, способным преобразить Россию в духе Просвещения. Здесь уже заметно начало складывания «просветительской иллюзии» о России, характерной для западных мыслителей XVIII в.¹

Если Северная война обострила отношения двух стран, то с воцарением Анны Иоанновны ситуация стала меняться, а в 1734 г. между ними был заключён торговый договор. Несмотря на то что в первой половине XVIII в. Восточная Европа не пользовалась популярностью у туристов, в составе посольства 1733 – 1734 гг. в Санкт-Петербург прибыл как частное лицо Ф. Дэшвуд. В своём дневнике, отличавшемся

¹ Лабутина Т. Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013. С. 15 – 18, 31 – 32, 178 – 179, 198 – 200, 223, 225, 229, 277 – 278.

скрупулёзностью данных, путешественник выражает сомнения в возможности европеизации России¹. К правлению Анны Иоанновны относится также пребывание в столице посла К. Рондо, его супруги, а также наёмной служанки Э. Джастис. Мнение последних вызывает интерес благодаря «женскому» взгляду на отдалённую страну, подмечавшему ряд бытовых деталей.

В послепетровский период российская элита ориентировалась главным образом на французские культурные образцы. Однако у императрицы Екатерины II имелись к Великобритании определённые симпатии. Ещё в середине XVIII в. английский посол Ч. Уильямс установил тесные отношения с «молодым двором». Есть сведения о денежных средствах, которые посол передавал Екатерине на подготовку государственного переворота 1762 г. После прихода к власти Екатерина заключает в 1766 г. торговый договор с Британией, продлевавший действие договора 1734 г.

Европейцы XVIII в. могли по-разному оценивать успехи европеизации России. Но британцы не могли игнорировать существование влиятельной английской диаспоры в Санкт-Петербурге, существовавшей с момента возникновения города. Модернизация российского флота также проходила под непосредственным влиянием британцев. Екатерина приглашала морских офицеров, моряков, мастеровых. В свою очередь, отправляла русскую молодёжь учиться в Великобританию. Немало британцев, а также русских офицеров, обучавшихся в Великобритании, служило на русском флоте и активно участвовало в кампаниях Екатерины II (С. К. Грейг, Дж. Эльфинстон). Уже из первых офицеров, отправленных на обучение в Англию в 1765 – 1766 гг., вышли полные адмиралы Е. М. Лупандин, П. И. Ханыков, вице-адмиралы И. А. Борисов, Т. Г. Козлянинов, С. И. Плещеев. Всю русско-турецкую кампанию 1768 – 1774 гг. прослужили 15 обученных в Англии офицеров (исключая погибшего Ф. Дубасова). В 1770 – 1780-е гг. на английском флоте служили будущие адмиралы Н. С. Мордвинов и Г. А. Сенявин. В Русско-шведской войне 1788 – 1790 гг., как указывает исследовательница О. Ю. Захарова, все сколько-нибудь проявившие себя

¹ Ковалёв М. А. Санкт-Петербург в правление императрицы Анны Иоанновны глазами британцев. Гл. 6 // «Свой» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России (К юбилею Виктора Леонидовича Малькова). СПб., 2020. С 121.

офицеры обучались в Англии¹. Серьёзное обострение в англо-русских отношениях наступило в ходе войны за независимость США с принятием Россией Декларации о вооружённом нейтралитете (1781 г.).

В 1788 – 1791 гг. Россию посетил малоизвестный, но в определённом смысле примечательный путешественник – Э. Суинтон. Именно ему принадлежит фраза, что «Россия теперь становится частью гранд-тура и частью не самой неинтересной или бесполезной»². Тем самым Суинтон выразил настроение части британской элиты, для которой Россия становилась с туристической точки зрения всё более привлекательной (наряду с Францией и Италией).

В то же время не следует преувеличивать влияние английской культуры в России XVIII в. Только после 1812 г. среди дворян начинает распространяться обучение детей английскому языку. На тот момент, конечно, российская элита не могла по достоинству оценить английские порядки в силу слабого с ними знакомства, чтобы перенести их на русскую почву.

Пик активности англо-русских отношений приходится на период правления Александра I. Россия и Британия оказались союзниками по антинаполеоновской коалиции, в дальнейшем – гарантами Венской системы международных отношений. Такое потепление отношений сопровождалось широкой англomанией среди русского дворянства. Англию посещали и братья царя – великие князья Николай (будущий Николай I) и Михаил. Но после суда над декабристами, вызвавшего неоднозначную реакцию в Европе, Англия благодаря совершенству своей правовой системы становится прибежищем политических эмигрантов. Ярчайшим (хотя не единственным) показателем данного процесса стало издание в 1857 г. в Лондоне газеты «Колокол» А. И. Герценом и Н. П. Огарёвым.

Интенсификация контактов между двумя странами способствовала повышению значения дипломатических представительств. В 1785 г. российским послом в Лондон был назначен граф С. Р. Воронцов, сторонник англо-русского сближения. После Отечественной войны 1812 г. деятельность русского посольства в Британии была связана с именем

¹ Захарова О. Ю. Русские в Британии (конец XVIII – начало XX века) // Труд и социальные отношения. 2013. № 1. С. 148.

² Swinton A. Travels into Norway, Denmark and Russia, in the years 1788, 1789, 1798 and 1791. – L., 1792. P. 341 – 342.

графа Х. А. Ливена. Его жена, Дарья Христофоровна Ливен (сестра А. Х. Бенкендорфа, главы Третьего отделения), известная светская дама, фактически впервые вывела из тени фигуру жены посла.

Завершение промышленного переворота в Великобритании стимулировало направление туда молодых людей для обучения техническим навыкам. В первой трети XIX в. там побывали крепостной уральского заводчика Демидова Е. Чернецов, молодые люди Васильев и Иванов с Александровского завода и другие представители непривилегированных социальных групп¹.

Внешнеполитические противоречия уже к 1830-м гг. вновь развели две страны. Как было отмечено в предыдущих главах, системная русофобия, как и само понятие, возникло в Великобритании в XIX в. Данное явление насчитывает два периода развития. Первый относится ко времени кризиса Венской системы 20 – 30-х гг. XIX в. Второй связан с «новым империализмом» и «джингоизмом» в Великобритании второй половины 1870-х гг.

Авторитет Александра I как победителя Наполеона способствовал росту интереса к России. В июне 1814 г. в Лондоне был дан банкет в честь Александра I и короля Пруссии. Знаменитая позднее королева Виктория (1819 – 1901) получила имя в честь Российского императора (Александрина Виктория). Британские писатели-романтики (Дж. Байрон, В. Скотт) «осваивали» в художественном отношении новое для них пространство (подобно тому, как ранее литераторы Просвещения осваивали Восток). Однако политические конфликты, вызванные противоречиями Венской системы (Греческая и Бельгийская революции 1821 и 1830 гг., Адрианопольский мир, Ункяр-Искелесийский мир 1829 и 1833 гг.), проникновение британского капитала на Ближний Восток и в Индию, экспансия России в Азию, не могли не привести к изменениям во взаимном осмыслении облика двух держав.

У истоков целенаправленной антироссийской внешней политики Великобритании стоял лорд Пальмерстон – глава министерства иностранных дел с 1830 г. Именно он стал одним из первых, кто использовал общественное мнение в политических целях. Пальмерстон поддерживал тесные контакты с редакциями крупных изданий, таких как «Глоуб», «Курир», «Обсервер», «Морнинг Кроникл». Опираясь на

¹ Кросс Э. Начало: русские в Британии // Русское присутствие в Британии. М., 2009. С. 17 – 20.

прессу, он стремился создать образ Николая I как тирана, стремящегося к завоеваниям и ненавидящего Англию – цитадель свободного мира. В этом журналисты уподобляли его Наполеону. Вступление Великобритании в Крымскую войну обусловлено в значительной степени мерами Пальмерстона¹.

Новый виток русофобии связан с событиями Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Давление России на Турцию во второй половине XIX в. болезненно воспринималось в Великобритании, поскольку вся внешняя торговля Порты находилась в руках англичан. Кроме того, через Турцию лежал путь к «жемчужине Британской короны» – Индии. На фоне успеха российских войск с конца 1877 г. по март 1878 г. в Англии развернулась кампания, получившая название «джингоизм». Слово «джинго» (эвфемизм для замены слова «Бог») звучало рефреном популярной патриотической песне того времени. В столице проходили многочисленные митинги, создавались общественные организации (например, Антирусская патриотическая лига), хотя обострение началось ещё раньше с началом восстания на Балканах в 1875 – 1876 гг., которое британская пресса объявила «происками России».

В тот период русофобия представляла собой уже сложившуюся систему взглядов, которая базировалась на противопоставлении варварства цивилизации. Демократический Запад в её категориях противостоял варварской, агрессивной и деспотической России. Характерно, что Турция, в которой англичане стремились сохранить своё влияние, выступала более европейской страной, чем Российская империя. Огромная североевразийская страна рассматривалась как угроза не только Великобритании, но и Западу в целом. Русофобия на данном этапе преследовала двойную цель. С одной стороны, служила выстраиванию самой британской (и западной) идентичности, с другой – подталкивала европейские страны к восстановлению нарушенного агрессором «баланса сил»².

Аналогичные взгляды в отношении Великобритании только со стороны России нашли выражение в идеологеме «коварного Альбиона». Её продвигали, в частности, газеты «Новое время» и «Свет».

¹ Жолудов М. В. Указ. соч.

² Там же.

Другой точкой соприкосновения англо-русских интересов являлась Центральная Азия. К середине 1880-х гг. завершается покорение Россией данного региона. Взятие русскими г. Мервы в 1884 г. едва не привело к войне между двумя державами. Уже к событиям первой половины XIX в. применяют понятие «большая игра», охватывавшее всё пространство британско-русских противоречий в Иране, на Кавказе, в Центральной Азии и ряде иных территорий. Однако, по мнению историка А. А. Некрасова, термин этот представляет не научное понятие, а, скорее, метафору в силу своей неопределённости¹.

На протяжении всей второй половины столетия в Британии выходили книги и брошюры учёных, политиков, чиновников, дипломатов, касавшихся указанной проблемы. Одна их часть призывала к наступательным действиям против России. В их аргументации сущность российского самодержавия такова, что оно само попытается сделать первый шаг к конфликту, который и следует предупредить. Такой позиции придерживались Г. Роулинсон, Ч. Марвин, Дж. Маллесон, Д. Боулер. Примечательно, что не все представители русофобского дискурса усматривали серьёзную опасность в действиях России. По мнению некоего анонимного британского офицера, служившего в Индии, Россия не сможет победить Великобританию, зато создаст ей финансовые трудности.

Другая группа авторов занимала «оборонческую» позицию (офицеры Г. Ханна и Дж. У. Кей, миссионер Дж. Лонг, герцог Аргайл). Они полагали, что русские не смогут завоевать Афганистан из-за его природных условий. Помимо того, Россия как страна, владеющая крупными азиатскими территориями, заинтересована в сохранении стабильности в регионе и поддержании *status quo*. В конечном итоге в контексте создания антигерманского блока на протяжении 1895 – 1907 гг. произошло разграничение сфер влияния России и Великобритании в Центральной Азии².

Очевидно, что внутренний социально-экономический и политический строй обеих стран оказывал большое влияние на характер

¹ Некрасов А. А. Российско-британское соперничество в Центральной Азии во второй половине XIX в. в восприятии англичан // Россия между Западом и Востоком. М., 2021. С. 275.

² Там же.

их взаимовосприятия. Для россиян в XIX в. Англия казалась интересной по нескольким причинам. С одной стороны, она представляла собой крупнейшую промышленную державу мира. С другой – монархическую страну с сильными олигархическими чертами, влиятельными традиционными общественными и политическими институтами.

В XIX в. сохраняют свою значимость традиционные источники сведений русских и англичан друг о друге: мемуары, травелоги, донесения дипломатов и прочее. Правда, по мнению Е. О. Науменковой, несмотря на восхищение архитектурой и техническими новшествами Лондона (Британский музей, здание Парламента, Вестминстерское аббатство, Хрустальный дворец), русские путешественники так и не полюбили эту столицу за её пасмурность, сдержанность местных жителей, проявление классового расслоения¹. В Петербурге же англичане, в свою очередь, не усматривали ничего оригинально русского. Ко второй половине столетия в России складывается профессиональное англоведение. Британию изучают правоведы, экономисты, историки (М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев, В. Г. Виноградов, А. Н. Савин, М. И. Туган-Барановский и многие другие).

Но особый интерес представляет восприятие российской читающей публикой британской политической системы. Для российских либералов (журнал «Вестник Европы») главной заслугой парламентаризма являлась сменяемость власти. Радикальная публицистика (журнал «Отечественные записки») приветствовала реформы в Англии (1867 и 1884 гг.), направленные на расширение избирательного права. Реакционная газета «Гражданин» отрицательно относилась к тому факту, что политика монархии зависит от борьбы партий, давала достаточно примитивное объяснение принципам британских консерваторов и либералов. Однако сурово критиковала «перебежчиков из одной партии в другую», а также приводила особенности национального характера англичан, в основном отрицательные (практицизм, беспринципность, слабая религиозность). Умеренно консервативный журнал «Рус-

¹ Науменкова Е. О. Лондон и Санкт-Петербург в сочинениях российских и английских путешественников второй половины XIX в. // Россия между Западом и Востоком. С. 342 – 343.

ский вестник», напротив, считал, что английская конституция представляет собой защиту от революционных потрясений, обосновывал благотворность «реформ сверху»¹.

Если говорить о взгляде противоположной стороны на партийную систему в России в том виде, в котором она сложилась к началу XX в., симпатии англичан менялись со временем. Источниками сведений о российской политической жизни того времени выступали информаторы из числа членов конституционно-демократической партии (П. Д. Долгоруков, С. А. Котляревский). Собственно, и саму политическую ситуацию они видели (через послов Ч. Гардинга, с 1906 г. – А. Николсона) глазами кадетов. Правда, в дальнейшем их предпочтения сместятся в сторону октябристов, занимавших более консервативную позицию².

С момента «открытия» России Англией взаимное восприятие двух стран прошло долгий путь. От чисто прагматического осмысления друг друга в качестве партнёров по торговле и внешнеполитическим делам, через просветительские концепции вписывания России в «большую Европу» и «просвещения России» – к русофобии и англофобии в контексте колониальных противоречий второй половины XIX в. В целом же сильнейшая морская и крупнейшая континентальная державы, с разных концов замыкавшие Европу, нуждались как в позитивном, так и негативном образе друг друга. Если первый помогал налаживать конструктивное сотрудничество, то последний стимулировал осознание собственной идентичности и своего места в Европе и мире.

Вопросы для самоконтроля

1. Как произошло «открытие» России англичанами?
2. Приведите имена английских специалистов, нанятых Петром I на русскую службу. Расскажите об их отношении к стране пребывания.
3. Как и по каким причинам изменилось отношение британцев к России во второй половине XVIII в.?

¹ Гелла Т. Н. Великобритания в конце XIX – начале XX в. глазами русских современников. Гл. 19 // «Свой»/«Чужой» в кросс-культурных коммуникациях Запада и России. 2019. С. 393 – 396.

² Портнягин Д. И., Портнягина Н. А. Политические партии России периода первой русской революции в оценке британских дипломатов // Россия между Западом и Востоком. С. 358 – 360.

4. Каков был взгляд россиян на партийно-политическую систему Великобритании в XIX в.?

5. Каковы особенности восприятия британцами Санкт-Петербурга и русскими – Лондона в XIX в.?

Глава 7. РОССИЯ И ФРАНЦИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ

На протяжении XIV – XVI вв. как в Европе, так и в России происходил процесс складывания национальных государств. К этому периоду (первая четверть XV в.) относится посещение территории нашей страны фламандским рыцарем Жильбером де Ланнуа, находившимся на службе у герцога Бургундского. Де Ланнуа побывал в Новгороде и Пскове, а также Великом княжестве Литовском. Отношение де Ланнуа к местным жителям противоречиво. С одной стороны, он рассматривает их как христиан. С другой – утверждает, что французы не осмелятся продавать христиан в рабство единоверцам¹. (Возможно, здесь имеет место намёк на участие русских княжеств в татарской работорговле²).

Всё же в московский период Российской истории существенных причин для сближения двух стран не было. Напротив, главные стратегические противники России – Швеция, Речь Посполитая, Турция – находились в союзнических отношениях с Францией. В XVI в. французский язык в нашей стране оставался совершенно неизвестен, хотя, надо отметить, что в числе юношей, отправленных Борисом Годуновым на обучение в Европу, были и откомандированные во Францию. Однако привилегии, выданные Иваном IV англичанам, стимулировали французов из соображений конкуренции к установлению связей с Москвой. Такие соображения изложил в 1575 г. своему королю посол Генриха III в Копенгагене. Как следствие, в 80-е гг. XVI в. появляется купеческая компания в Париже, которая направляет свою делегацию в далёкую Россию. В 1586 г. трое из членов компании – Ж. Соваж, Кола, дю Ненель, побывали в Холмогорах и Архангельске. Русский царь разрешил им торговать у Кольской пристани.

¹ Кузьмина М. В. Стереотипы взаимовосприятия православных и католиков // Россия между Западом и Востоком. С. 21.

² Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 209.

Французская общественная мысль эпохи Ренессанса не имела однозначного взгляда на Россию. Известный философ М. Монтень расценивал форму правления русских государей как тираническую. Правовед Ж. Боден, напротив, отводил российскому царю значимое место среди европейских правителей. В своей «Всеобщей истории Франции» историк и государственный деятель конца XVI – начала XVII в. Жак де Ту положительно отзывается о нашей стране. Хотя источником его сведений были польские и литовские авторы, как правило, враждебные России. В частности, он находит место для похвалы военной системы (имеется в виду поместное войско).

После смерти короля Польского и великого князя Литовского Сигизмунда II в 1572 г. Иван Грозный и герцог Валуа становятся соперниками за трон Речи Посполитой. Несмотря на то что победа досталась французскому кандидату, герцог Валуа вскоре покинет Польшу, чтобы занять более престижный французский престол (под именем Генриха III).

Россия иногда становилась предметом геополитических комбинаций французских политиков. К примеру, в «Великом замысле» герцога Сюлли (фактически главы правительства при Генрихе IV) ей отводилось место в союзе европейских держав. Несмотря на то что Сюлли называл русских схизматиками и даже варварами, полагал Россию равно принадлежащей как к Европе, так и к Азии, он не исключал Московскую Русь из коалиции.

Всё же к 1586 г. благодаря посольству в Москву Франсуа де Карля установились русско-французские дипломатические отношения. Первое посольство из России во Францию относится к концу Смутного времени, к 1615 г. Оно ставило своей целью известить французского короля о воцарении Михаила Фёдоровича и тем самым укрепить авторитет новой династии (Романовых). Сохранившийся статейный список посольства описывает события в Европе, а также политическую ситуацию в самой Франции после убийства Генриха IV в 1610 г. Интересно, что французским государственным терминам подыскиваются русские аналогии. Например, принцы крови названы удельными князьями. Ряд терминов оставлен без перевода (например, дюк –

«граф»). О наличии сколько-нибудь выраженных стереотипов материалы посольства не свидетельствуют¹.

К периоду Смуты относится другой памятник, ставший хрестоматийным в вопросе о западных стереотипах в отношении русских. Речь идёт о сочинении Ж. Маржерета, полное название которого – «Состояние Российской империи и великого княжества Московского с описанием всего достопамятного и трагического, случившегося в правление четырёх императоров, а именно с 1590 по сентябрь 1606 года». Маржерет – типичный для эпохи Нового времени солдат-наёмник – записался на русскую службу при Борисе Годунове, служил Лжедмитрию I. Во время пребывания в России он делал записи, затем свёл их в единый текст и в 1607 г. опубликовал. Маржерет наделяет русских крайне неприятными чертами, такими как лень, пьянство, невежество, грубость нравов, пристрастие к беззаконию и даже содомскому греху. Автор указывает на невежество местного населения в отношении религий. Достаётся от него и православному духовенству. Здесь следует иметь в виду, что Маржерет – протестант, поэтому вряд ли можно ожидать от него объективности в данном вопросе.

Но в то же время он полемизирует с теми из современников, кто полагал, что христианский мир не распространяется восточнее Венгрии. Согласно ренессансной традиции он применяет понятие «Скифия» к политическим реалиям его времени – конкретно к Российскому государству. Другую же часть Руси, находящуюся под властью Литвы и Польши, он именует Чёрной Русью (т. е. несвободной согласно древнерусской терминологии). В произведении приводится информация о природе и климате страны, рассказывается о Сибири. В подобных географических условиях автор считает вполне допустимой сильную центральную власть, которой предписывается защищать население от кочевников. Маржерет не ставил своей целью дискредитацию России как таковой. Он защищал репутацию тех правителей, которые приносили туда элементы европейских порядков (Борис Годунов, Лжедмитрий I).

¹ Козулин В. Н. Зарождение русско-французских отношений и первые представления русских о Франции (конец XVI – начало XVII в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2(90). С. 79, 84.

Но в то же время его книга оказала негативное влияние на имидж России в Европе¹.

К концу XVII столетия относятся значимые свидетельства другого француза – де ла Невилля. Он приводит панораму внутренней и внешней политики страны в период правления царевны Софьи. Побывав в России в 1689 г., он зафиксировал информацию о многих важных исторических событиях (Хованщина, свержение Софьи, подписание Нерчинского договора). Некоторым из них он был свидетелем лично, другие получал из рук членов дипломатических миссий в России, а также от жителей Немецкой слободы. О самом де ла Невилле известно мало, предположительно он являлся иезуитским агентом. Русских считал варварами, однако с интересом описал проект реформ фаворита Софьи князя В. В. Голицына².

К XVIII в. восприятие России осуществляется уже в рамках просветительской парадигмы. Миф о «русском варварстве» постепенно сменяется мифом о «русской цивилизации». Новое восприятие России сопровождалось и широким распространением французской культуры среди социальной элиты. Ещё в 1715 г. после смерти короля Людовика XIV Пётр I поручил Лефорту нанять французских мастеров, оказавшихся без работы. Среди прибывших тогда в нашу страну мастеров следует назвать скульптора Б.-К. Растрелли и его сына, архитектора Ф.-Б. Растрелли (знаменитого деятеля эпохи «елизаветинского барокко»), архитектора Ж.-Б. Леблона, художника Л. Каравака.

Иностранные мастера получали от императоров значительные привилегии, такие как освобождение от налогов, выделение площадок для строительства собственных домов в Петербурге. На Васильевском острове возникло целое поселение – французская слобода. Французские мастера внесли большой вклад в развитие и становление отдельных видов искусства, необходимых для обустройства Санкт-Петербурга и его окрестностей. Они не только выполняли конкретные работы, но и передавали свои знания русским мастерам.

В 1717 г. Пётр I лично посетил Париж (пребывал там с 26 апреля по 9 июня). Ему довелось осмотреть Арсенал, Ботанический сад, Па-

¹ Козулин В. Н. Образ России в сочинении Жака Маржерета // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 5 (97). С. 140 – 141, 143, 145.

² Лимонов Ю. А. Указ. соч. С. 15 – 16.

рижскую обсерваторию, Парижский парламент, Дом инвалидов, королевскую библиотеку, монетный двор, мануфактуру гобеленов, Сорбонну, Французскую академию. Ассамблеи как форма дворянского досуга, введённые в России в 1718 г., также заимствованы во Франции. При Анне Иоанновне, как известно, усиливается немецкое влияние. Однако роль Франции не сошла совершенно на нет. В частности, открыта танцевальная школа Ж.-Б. Ланде, родоначальника Академии русского балета (сейчас носит имя А. Я. Вагановой)¹.

Несмотря на русско-французские конфликты в области внешней политики в эпоху Елизаветы Петровны (в 1748 – 1756 гг. дипломатические отношения были разорваны), культурное взаимодействие между двумя странами нарастало. Складывавшаяся русская национальная литература испытала большое влияние французской. Возникает новый жанр поэзии – ода (В. К. Тредиаковский), создаются труды по теории поэзии (М. В. Ломоносов), увеличивается поток русских путешественников во Францию. В России появляется французский театр в лице трупп Дюкло и Севиньи. На протяжении 1743 – 1761 гг. они играли пьесы Мольера, Делуша, Лесажа, Нивеля де Ляшосе, Корнеля, Расина, Реньяра, Вольтера. Последний по предложению графа Шувалова написал в 1759 г. «Историю русской империи при Петре Великом». Сама императрица Елизавета воспитывалась во французской культуре, так как её готовили в жёны Людовику XV. Её пристрастия оказывали влияние на двор, а тот, в свою очередь, – на дворянское сословие.

В 1757 г. открывается Академия художеств. В ней преподавали французы: скульптор Н.-Ф. Жилло, архитектор Ж.-Б.-М. Валлен Деламот, художник Л.-Ж. Ле Лоррен и другие именитые деятели искусств. Двумя годами позднее был открыт Пажеский корпус. Его руководителем стал барон Т.-А. де Чуди. С 1756 г. в России работает портретист Л. Токе, исполнявший портреты императрицы Елизаветы и придворных. Он оказал влияние на знаменитых позднее русских художников Д. Г. Левицкого и И. П. Аргунова. К середине столетия в высшем российском обществе утвердилась мода на французскую одежду, язык,

¹ Востриков А. В. Взаимодействие русской и французской культур в XVIII веке // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2007. № 1. С. 251 – 253.

светские игры, танцы, кулинарию, шампанское – феномен, получивший название «галломания». В период правления Екатерины II французская культура сохраняла своё положение в российской элите. Следует сказать, что иностранная культура не только пассивно воспринималась в России, но также перерабатывалась и активно дополнялась местными творцами¹.

Эпоха дворцовых переворотов в России способствовала усилению влияния иностранных представительств в нашей стране. К 1739 – 1742 гг. относится пребывание в столице французского посла маркиза де Шетарди. В своих депешах королю и министрам он описал события конца правления Анны Иоанновны, царствование Анны Леопольдовны, перипетии вступления на престол Елизаветы Петровны. К 1756 г. относится посещение России шевалье д'Эоном де Бомоном – агентом французского дипломата шевалье А. П. Макензи Дугласа. Последний прибыл к императорскому двору с целью восстановления русско-французских дипломатических отношений. В «Секретных анекдотах о дворе императрицы всероссийской» шевалье д'Эона де Бомона сквозит неприязнь ко всему русскому. Он пишет о непрофессионализме русских актёров, о безвкусице в одежде придворных. Де Рюльер приводит информацию о перевороте 1762 г., даёт уничижительные характеристики Петру III. Граф де Сегюр в своих записках отдаёт должное «мифу о русской цивилизации», превознося Петра I и Екатерину II.

Хотя ведущие умы эпохи Просвещения возлагали большие надежды на прогресс в России (Вольтер, Монтескье), имелись и иные точки зрения. В период правления Елизаветы Петровны от Французской академии был послан в Сибирь учёный Жан Шапп д'Отерош с целью проведения астрономических наблюдений. Попутно он изобразил в своих записях образ жизни и положение русского крестьянства. Автор отметил безземелье крестьян, наличие телесных наказаний, скудность их питания, склонность к воровству как следствие нищеты. Уже новой императрице Екатерине II д'Отерош предложил распространить свободы на все сословия, а не только на дворянство (имелся в виду Манифест о вольности дворянства 1762 г.). Сочинение учёного вызвало ответную критику, включая произведение «Антидот», написанное самой императрицей.

¹ Востриков А. В. Указ. соч. С. 254 – 257.

Надо иметь в виду ещё один аспект данного произведения. Поскольку оно создавалось в период Семилетней войны, военный потенциал России вызывал большую озабоченность у европейских монархий. Сам д'Отерош, ещё находясь в Санкт-Петербурге, получил от короля Людовика XV предписание оценить военные возможности Российской империи. Описав состояние страны, в частности, отметив скудость бюджета, учёный сделал вывод, что она сможет выставить для военной кампании лишь около 70 тыс. солдат. Таким образом, Людовик XV убедился, что на Россию из-за её отсталости нельзя возлагать больших надежд.

События Французской революции, революционные и Наполеоновские войны покончили с «просветительским мифом» о России. Этому способствовала не только роль «цитадели реакции», которую сыграла наша страна в данных событиях, но и непрекращавшиеся конфликты на черноморском, балтийском и польском направлениях (Русско-турецкая и Русско-шведская войны 1787 – 1791 и 1788 – 1790 гг., раздел Речи Посполитой в 1795 г.). После разрыва отношений между Россией и Францией в 1793 г. появляется книга П. Н. Шантро «Философское, политическое и литературное путешествие в Россию, совершенное в 1788 и 1789 годах». В ней писатель приходит к выводу, что Россия так и не смогла усвоить западные ценности. Зато императорская власть, заботившаяся о своём имидже, сумела обмануть европейских просветителей. В 1812 г. возникает знаменитая подделка – «Завещание Петра Великого», где России приписываются агрессивные планы в отношении Европы¹.

Российская внешняя политика, находившаяся в зависимости от общественного строя государства, могла найти понимание у контрреволюционных кругов. К ним следует отнести публициста Ш. Ф. дю Перье Дюмурье, автора памфлета «Новая умозрительная картина Европы», написанного вскоре после Раштаттского конгресса 1797 г. (урегулировавшего франко-германские территориальные споры). Дюмурье обращает внимание на огромные людские и материальные ресурсы России, но при этом указывает на нестабильность власти – перевороты, заговоры. Народ невежествен и не участвует в политической жизни, поэтому не может наложить ограничения на действия властей. Однако

¹ Гордон А. В. Указ. соч. С. 83 – 84.

Россия для Дюмурье являлась фактором ослабления революционной Франции и возможным гарантом «баланса сил» в Европе¹.

На какое-то время Российская империя стала прибежищем эмигрантов из Франции. В их числе нужно упомянуть Ж. де Местра – одного из основоположников идеологии европейского консерватизма (наряду с Э. Бёрком). Он провёл довольно много времени в России, которая по существу стала для него второй родиной. Тем не менее Россию он не рассматривал как оплот консервативных ценностей. Все традиционно отмечаемые у россиян пороки (отсутствие общественного мнения и гражданского общества, чиновничество, казнокрадство, пьянство, воровство, безответственность) наносят вред обществу в целом, а не только ущемляют индивидуальные свободы. Религия находится в униженном положении и представляет собой инструмент самодержавия. Такая консервативная добродетель, как преклонение перед авторитетом верховной власти, выродилась здесь в беспрекословное повиновение даже самым абсурдным распоряжениям самодержца. Даже в военное время полководцы склонны превращаться в царедворцев (де Местр имеет в виду М. И. Кутузова). Отношение к власти лишено искренности, двулично. В сущности, русские не религиозны, несмотря на показное рвение. Их подозрительность к иностранцам вызвана не почтением к обычаям старины, а чувством своей неполноценности.

Мыслитель находит в России черты как Запада, так и Востока. Итальянские походы А. В. Суворова он, проживая в Швейцарии, рассматривал как вторжение скифов и татар. Среди других черт русского общества как «восточного» он акцентировал внимание на отношении к женщине как к товару; в целом же находил Россию странной противоположностей, своего рода «недоевропой». Петровские преобразования отняли у русских традиции, однако не сделали их подлинно европейским народом. Причины такого её отрыва от цивилизации мыслитель видел в принятии Русью христианства восточного образца. Россия так и не нашла своего предназначения, сделав-

¹ Митрофанов А. А. Французский публицист Ш. Ф. Дюмурье о внешней политике России // Россия между Западом и Востоком. 104.

шись игрушкой в руках политических авантюристов и жертвой постоянных перемен. Нетрудно заметить здесь идеи, которые в дальнейшем станут развивать уже на российской почве П. Я. Чаадаев и философы-западники. Следует учитывать, что критика де Местра велась им с консервативных позиций. Национальностью (т. е. субъектом политики) он считал не третье сословие в пике идеям Французской революции, а монарха и благородное сословие.

Однако подлинно сокрушительный удар по «миражу консерваторов» в отношении России сделал А. де Кюстин своей книгой «Россия в 1839 году». Великолепие её имперского фасада сочеталось, по мысли путешественника, с убогим бытом. Само государство устроено таким образом, будто оно всегда находится на осадном положении. Самодержавие, на его взгляд, мало отличается от тирании якобинцев. Духовенство лишь исполняет служебные по отношению к власти функции. В целом сам общественный и государственный строй России он считал анахронизмом и делал выводы о неизбежности социальной революции. Им было сформулировано популярное в дальнейшем у русских радикальных мыслителей определение России как «тюрьмы народа». Именно под влиянием своего посещения России французский аристократ-легитимист изменил свои взгляды на более либеральные.

Среди авторов, оказавших влияние на А. де Кюстина, следует назвать Ш. Массона, Ж. Кастара, К. К. Рюльера, П. Д. Пассенана (их критика крепостничества) и Р. де Шатобриана (критика византизма)¹.

Важной вехой во взаимовосприятии России и Франции стало пребывание русского оккупационного корпуса в Париже в 1814 – 1818 гг. Знакомство русского дворянства с французской культурой ещё с XVIII в. обусловило наличие у него ряда стереотипов. Личный опыт знакомства с Францией привёл к разрушению этих иллюзий. Свобода слова оценивалась российскими подданными скептически. Отмечалась ветреность французов, поверхностность в суждениях.

¹ Гордон А. В. Указ. соч. С. 83 – 88.

Неоднозначное отношение вызывало большое количество увеселительных заведений. Многие во французских обычаях оставались для русских непонятным¹.

Отношение французов к двум русским столицам как центрам культурной жизни в первой половине XIX в. оставалось сложным. Для А. Фортиа де Пиля в Санкт-Петербурге невозможно было узнать именно русский город (что коррелирует с отношением к нему англичан). Он считал его скорее маской России, тогда как её настоящим лицом была Москва. Москва же, напротив, для многих авторов являлась символом героического сопротивления Наполеону. В оценках Москвы французскими путешественниками сквозит мотив смены эпох и смешения стилей. Они обращают внимание на сочетание европейских и неевропейских элементов, социальные контрасты, смешение роскоши и простоты. Указывается на такие черты Востока, как кишацие людьми базары, множество церквей. Известная писательница Ж. де Сталь в 1812 г. отзывалась о Москве как о большой деревне, стоящей посреди равнины – России².

Со второй половины XIX в. Россия вызывает всё больший интерес у французских литераторов и учёных (что снова идёт вразрез с политической конъюнктурой после завершения Крымской войны). Литераторы начинают создавать виртуальное российское пространство, покрытое налётом таинственности. В 1858 – 1859 гг. в России побывали А. Дюма и Т. Готье. В 1876 г. вышел роман Ж. Верна «Мишель Стргов», действие которого происходит в России. К процессу её интеллектуального «освоения» подключаются и учёные-историки: А. Рамбо (идея европейских истоков русской цивилизации), Е. М. Вогюэ (подчёркивал мировое значение русской литературы), А. Леру-Болье (ввёл понятия «русская душа», «русский мистицизм»).

С конца 1890-х гг. во французских университетах преподаётся русский язык, в 1885 г. в Сорбонне открывается кафедра русского

¹ Губина М. В. Франция в восприятии русских военных: эволюция стереотипов (1814 – 1818 гг.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 140 – 141, 145.

² Артёмова Е. Ю. Французские путешественники о Москве. (Вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Там же. С.122, 124, 126.

языка, в том же году основана Школа восточных языков. Формируется французское славянофильство, рассматривающее Россию как наиболее духовно близкую и привлекательную для французов страну. Можно заключить, что французское общественное мнение к началу 90-х гг. XIX в. было уже достаточно подготовлено к заключению франко-русского союза¹.

На протяжении эпохи Нового времени Россия и Франция, две географически отдалённые друг от друга страны, не имели весомых оснований проявлять интерес друг к другу. В отличие от Англии Франция значительно менее преуспела в налаживании морских торговых коммуникаций. Тем не менее именно в «век революций» 1789 – 1849 гг. (выражение, использованное Э. Хобсбаумом) как в фокусе проявилось взаимное отношение этих стран. В разное время Россия рассматривалась во Франции как страна, идущая по пути просвещения, затем как оплот консерватизма. Интересно, что ни та ни другая иллюзия в отношении России так и не подтвердились. Франция же всегда воспринималась преимущественно как носитель идей. Менялось только их содержание.

Вопросы для самоконтроля

1. К какому периоду относится начало русско-французских связей? Что подтолкнуло обе страны к сотрудничеству?
2. Каковы особенности восприятия России во Франции в XVI в.? Каковы основные элементы мифа о «русском варварстве»?
3. В связи с чем меняется отношение французов к России в XVIII в.? Каковы особенности восприятия французской культуры в России в эпоху Просвещения?
4. Как повлияли события Французской революции, революционных и Наполеоновских войн на трансформацию «образов другого» во взаимовосприятии России и Франции?
5. В чём состоит «консервативный миф» о России? Каким образом он повлиял на складывание Российского западничества?

¹ Лапина Н. Ю. Образ России во Франции // Россия и современный мир. 2007. № 4. С. 92 – 94.

Глава 8. РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ (X – XIX вв.)

Первые контакты между восточными славянами и будущей Германией прослеживаются с середины IX в. по торговому пути, связывавшему Среднее Поднепровье с немецкими дунайскими землями. Отсчет политических отношений историки ведут с посольства народа «рос» ко двору франкского императора Людовика Благочестивого в 839 г. Однако до середины X в. русско-германские дипломатические контакты были случайны и не приводили к установлению прочных отношений. Последующий период (XI в.) был отмечен попытками создания русско-германских союзов с целью давления на Польшу и Византию. В эпоху политической раздробленности русско-германские союзы выступают уже фактором внутривосточной борьбы. О развитых династических русско-германских связях было сказано в гл. 3. В XIII в. важными факторами русско-германских отношений стали монгольское завоевание Руси и экспансия немецких крестоносцев в традиционную зону русского влияния на восточном побережье Балтийского моря (см. гл. 4).

После централизации русских земель и обретения независимости от Золотой Орды активные отношения между Москвой и Империей возобновились в 80-х гг. XV в. Связано это было с тем, что Габсбурги, соперничавшие с Ягеллонами из-за венгерской короны, стремились к союзу с Россией. Кульминационной точкой сближения России с Империей достигло в 1514 г., когда между ними был подписан договор, направленный против Польши.

Огромную роль в формировании образа России в Германии сыграли записки Сигизмунда Герберштейна, который дважды посещал Москву в качестве посла германского императора. Герберштейн сформировал очень неблагоприятное впечатление об укладе жизни в России, особенно о деспотической власти царя и покорности населения. С его легкой руки эти представления затем столетиями господствовали в Германии.

В середине XVI в. на русской службе оказалось немало немцев. Ливонцы, а также выходцы из других германских государств, служившие в армиях противников России, переходили на русскую службу или

оказывались в числе пленных. Некоторые немцы были включены в состав опричного войска. Их сочинения сыграли важную роль в формировании образа России в немецких землях.

В годы Ливонской войны (1558 – 1583 гг.) в Германии появлялось много листовок, авторы которых в значительной мере под влиянием польской пропаганды рисовали образ жестоких, кровожадных «москвитов», врагов христианского мира. Но этот образ, по мнению исследователя А. Каппелера, был основан не столько на непосредственных впечатлениях, связанных с жестокостями русских войск в Лифляндии в 1577 г., сколько на давних сведениях о жестоких турках, захвативших в 1529 г. Вену. На гравюрах конца XVI в. русские часто изображены похожими на турок. Для немцев последней трети XVI в. «москвиты» – чужой мощный народ во главе с жестоким правителем, угрожающий христианскому миру с северо-востока так же, как турки угрожают с юго-востока. И в XVII в. образ России все еще сливался со страшной фигурой тирана Ивана Грозного, и только интенсивное общение с русскими в эпоху Петра I несколько изменило представление о них в Германии. Но и в последующие столетия, пишет Каппелер, стереотипы, сложившиеся в XVI в., сохраняли силу. В немецкой беллетристике и в политических памфлетах XIX и XX вв. Иван Грозный часто изображается как воплощение всего русского и, как это ни удивительно, до сих пор иногда предстает едва ли не единственной фигурой русской истории прошлых столетий. Но не только образ «ужасного царя», но и основные черты представлений о России, сложившихся в Германии XVI в., являются частью современных представлений¹.

В период царствования Петра I благодаря внутренним реформам и победе в Северной войне Россия превратилась в доминирующую силу на Востоке Европы и начала играть все более активную роль не только в европейской политике, но и во внутренних делах германских государств. Если перечислить только основные моменты русского присутствия в Германии в XVIII в., то список будет внушительным: ввод русских войск в Померанию, Мекленбург и Гольштейн во время Се-

¹ Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX век) / Рос. акад. наук ; Ин-т всеобщей истории. М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2000. С. 7.

верной войны, а также союз с Бранденбургом (Пруссией) против Швеции. Важным этапом стала Семилетняя война, когда в результате поражений, нанесенных Фридриху II, русские войска оккупировали Восточную Пруссию и заняли Берлин. Следует вспомнить также о постоянном вмешательстве России в длительный прусско-австрийский конфликт и войну за Баварское наследство. Екатерина II выступила посредником при заключении Тешенского мира в 1779 г. и гарантом закрепленного договором порядка в германских землях, что дало ей возможность бесцеремонно вмешиваться в дела Пруссии и германских княжеств. После того как в результате третьего раздела Польши Россия вошла в прямое территориальное соприкосновение с Австрией и Пруссией, это вызывало в этих странах особое внимание и озабоченность. Упрочению связей между Германией и Россией способствовали также родственные связи династии Романовых с правящими домами германских государств, развивающиеся в XVIII – XIX вв.

В этой связи в XVIII в. немецкими просветителями делаются попытки осмыслить роль и место России в европейской истории. В философско-исторической концепции Готфрида Лейбница (1646 – 1716 гг.) звучит мысль об особой миссии России в защите христианства и культуры. Россию, полагал Лейбниц, нельзя причислить ни к европейской, ни к китайской культурной системе, и лишь освоив европейскую культуру, она сможет выполнить предназначенную ей роль в будущей мировой культуре. Находясь под влиянием идеи «просвещенного абсолютизма», Лейбниц впервые рассматривает «варварскую сущность» России как позитивный фактор. Россия – «*tabula rasa*», а потому тут на чистом месте с помощью просвещенного правителя можно построить новый мир, который соберет в себя все полезное и лучшее, чем располагает Европа, но будет избавлен от пороков, порожденных переживаемым ею кризисом¹.

Аналогичные выводы сделал в своем труде «Идеи к философии истории человечества» другой немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер (1744 – 1803). Он пришел к заключению, что философы должны

¹ Заиченко О. В. Образ России и формирование национального самосознания в Германии // Россия и внешний мир: диалог культур : сб. ст. – М., 1997. С. 242.

вступить в союз с монархами для осуществления задачи политико-гуманистического и религиозного воспитания народов. Наиболее подходящим полем для такой совместной деятельности он считал Россию. В Петре I, а затем в Екатерине II Гердер видел властителей, которые способны вывести свой народ к «новому Эдему» из мрака «скифских лесов». Критическое отношение ко всему европейскому устройству, с одной стороны, и начавшаяся европеизация России – с другой, побуждали его видеть в последней землю обетованную, куда суждено переместиться европейской культуре¹. Таким образом, немецкие просветители XVIII в. заложили основы русофильской традиции в политической мысли Германии.

С началом XIX в. значение России на европейской арене и ее влияние на развитие германских земель еще более увеличилось. Вступление России в Восточную Пруссию в январе 1813 г., совместные боевые действия против Наполеона и участие в Лейпцигской «битве народов» принесло окончательное освобождение Германии. Александр I был признан освободителем народов и «либератором добрых немцев». Однако появление на европейской сцене восточного «колосса» было воспринято с двояким чувством. С одной стороны, надеялись, что Россия будет гарантом европейской стабильности, с другой – возникали и опасения: как бы эта варварская страна не стала угрозой для европейской цивилизации и независимости европейских народов.

Николай I, игравший определяющую роль в Священном союзе, стремившийся не допустить усиления Пруссии и объединения Германии, после подавления Польского восстания 1830 – 1831 гг., Венгерского восстания 1849 г. и «Ольмюцкого унижения» Пруссии 1850 г. для всех немецких либералов и демократов стал символом реакции и деспотизма. В то же время большая часть консерваторов продолжала воспринимать русского императора как хранителя легитимности монархии, гаранта от революционного хаоса и анархии.

Таким образом, в первой половине XIX в. выделяются два направления в общественном сознании Германии: антирусское – демократическое и прорусское – консервативное. Со времени предреволюционного периода и буржуазной революции 1848 г. царская империя

¹ Заиченко О. В. Указ. соч. С. 243.

надолго становится предметом открытых дебатов в немецкой прессе. Отношение к России стало водоразделом внутригерманских событий. Причем рассматривалась не конкретная страна, а некий вымышленный образ. Россия была необходима как либералам, так и консерваторам в качестве метафоры для решения основных вопросов конституционного и общественного устройства в Германии.

Антирусские настроения в Германии были связаны прежде всего с либерально-буржуазным движением. После 1815 г. Россия воспринималась в этой среде как оплот реакции и деспотизма. Немецкие либералы не без основания считали Россию главным препятствием на пути объединения Германии. Долгое время немецкие демократы говорили о необходимости войны с Россией. В этом противостоянии между революционным Западом и реакционным Востоком немецкие демократы, как правило, не отделяли царизм от русского народа. Позиции общественности России едва ли были широко известны на Западе.

Эти взгляды разделяло большинство демократов того времени, в том числе К. Маркс и Ф. Энгельс, чьими внешнеполитическими требованиями в 1848 – 1849 гг. была война с Россией. Эта революционная война должна была освободить немецкую нацию и смыть с нее грехи прошлого. Маркс и Энгельс до конца жизни сохранили свои антирусские настроения и не видели различий между царским режимом и русским народом. Конечно, они приветствовали появление социалистической оппозиции в России в 1870-е гг. и восхищались героями русского революционного движения, но в целом относились к России как к стране, от которой человечество не может ждать в будущем ничего хорошего. Да и что можно ожидать от народа, чей характер столетиями формировался под монгольским, татарским и самодержавным деспотизмом. К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что Россия стремится к территориальным захватам. А потому все революционные демократы и социалисты рассматривали освобождение Польши и других народов путем поражения царизма в войне как элементарное требование исторического правосудия. Это проявилось во время Крымской войны в требованиях поддержать войну против русского самодержавия. Она должна

была превратиться в войну романо-германских народов против славян; из числа последних обычно исключалась Польша, так как поляки свою свободу ставили выше принадлежности к славянскому миру.

Как мы уже убедились в предыдущих главах, русофобия не являлась исключительно немецкой самобытной чертой, «русская тема» была интернациональна. Материал для нее давала прежде всего французская и немецкая публицистика. Но нигде эта тема не вызывала такой поляризации мнений, таких острых дебатов, споров, как в Германии.

Исследователь О. В. Заиченко объясняет это двумя причинами. Во-первых, речь идет о некоем «комплексе неполноценности» немцев, которые позднее других народов вышли на международную арену. Слишком долго Германия была слабой и раздробленной, слишком часто Россия и другие государства вмешивались в ее внутренние дела. Русофобия развивалась параллельно процессу национального самоутверждения. Не случайно все негативные клише формировались по принципу контрастного сопоставления России и Германии. Добродетели немецкого общества: цивилизация, прогресс, свобода, гражданские права и законность противопоставлялись азиатскому варварству, деспотизму, произволу и агрессивности России. Для большей наглядности сравнивались также национальные характеры: благопристойность, прилежание, бережливость, опрятность и умеренность немцев и жестокость, импульсивность, пьянство и неряшливость русских. Эти клише формировались в основном на основе литературы XVI и XVII вв. и антирусской публицистики времен французской революции.

Во-вторых, причиной длительного преобладания в сознании немцев негативных клише является тот факт, что немецкое национальное сознание искало выходы для распространения своего влияния и расширения границ именно на европейском Востоке. На основе этих устремлений сформировалась идея германской миссии на Востоке, причем параллельно с развитием русофобии. Исходным моментом для мессианских идей стало романтическое обращение к немецкому средневековью, завоевательным походам рыцарских орденов и их значению с точки зрения колонизации восточных земель и исторической

культурной миссии немцев. Это право отстаивали экономист Фридрих Лист, идеолог германской промышленной буржуазии; историки Георг Вайтц и Генрих фон Трайтчке и др. Фактически лозунг «немецкого натиска на Восток» являлся продуктом этой мессианской идеи¹.

Какими же виделись Германия и немцы в России? Одной из первых дает ответ на этот вопрос «Повесть временных лет». Не повторяясь о значении религиозных мотивов в противостоянии западного и русского мира в эпоху Средневековья (см. гл. 2, 3), скажем, что они отчетливо видны и в летописной характеристике немцев. А. С. Демин высказал гипотезу о более или менее скептическом отношении всех составителей летописи к немцам по причине их расчетливости, эгоистической рационалистичности, нежелания утруждать себя в вопросах веры². Этот образ немцев сохраняется на Руси всю средневековую эпоху.

Во время петровской модернизации образ немцев претерпевает изменения, что было связано с ориентацией Петра в своих преобразованиях главным образом на германские модели. В германских землях он находил людей, охотно соглашавшихся участвовать в его начинаниях; отсюда вербовались специалисты, много немцев, как известно, входило в ближайшее окружение царя-реформатора. В этой связи в немцах зачастую видели причину и первоисточник реформ, тяжелые последствия петровской модернизации перекладывали на их плечи. Важную роль сыграла восходящая к петровским временам проблема «немецкого засилья», которая была вызвана постоянным присутствием немцев в России, с одной стороны, и стремлением русских обрести национальную идентичность – с другой. Как период «немецкого засилья» в истории России были отмечены годы правления Анны Иоанновны (1730 – 1740), вызвавшего сильнейшее недовольство в обществе. Закономерным итогом стало формирование негативных представлений о немцах при Петре I и его ближайших преемниках.

Во время государственного переворота Елизаветы Петровны в 1741 г. и после него антинемецкие настроения, прежде всего в армии,

¹ Заиченко О. В. Указ. соч. С. 246 – 247.

² Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI – XIV вв. М., 1996. С. 128 – 136.

но и не только в армии, распространились чрезвычайно широко. Они сливались с неприязнью по отношению к иностранцам вообще, сохранялись на протяжении всей второй половины XVIII в. и ощущались во время наполеоновских войн. «Немецкая тема» стала показательна в истории с Баркляем де Толли в 1812 г.

В начале XIX в. важным фактором в формировании образа Германии в России стало, с одной стороны, знакомство с повседневной жизнью немцев, населяющих германские земли, осуществившееся через русских солдат и офицеров, побывавших там во время антинаполеоновских войн, а также многочисленных русских путешественников. С другой стороны, в первые десятилетия XIX в. в России происходит знакомство с немецкой литературой и философией, оказавших сильнейшее влияние на образованных русских людей. В их обществе возникает увлечение Германией и немцами, но одновременно формируется дихотомия, которая в изменяющихся формах сохраняется в последующие десятилетия и выражается в противопоставлении высоких достижений германского духа и приземленности немцев в обыденной жизни.

В 30 – 50-х гг. XIX в. в русском обществе происходит различение Германии поэтической и философской, Германии Гёте и Шиллера, Шеллинга и Гегеля, Германии высоких достижений духа – и Германии филистерской, Германии мещан с их главными свойствами – бережливостью и расчетливостью, которые ассоциировались в представлениях русских людей со скупостью. В конце XIX в. эта дихотомия приняла характер противопоставления высокого германского духа германскому милитаризму, Германии философской, поэтической – воинственной грубой Пруссии, а немцы, по меткому выражению демократического публициста конца XIX в. Н. В. Шелгунова, превратились из «немцев мысли» в «немцев дела». Это превращение, произошедшее в восприятии немцев русскими во время франко-прусской войны (1870 – 1871 гг.), было для многих ошеломляющим. Немцы, прославившиеся высокими достижениями духа, в глазах русских наблюдателей в одночасье превратились в свирепых пруссаков, бесчинствующих во Франции и готовых установить свое господство в

Европе. С этого периода можно с уверенностью говорить о германофобии, распространившейся в обществе образованных людей в последней трети XIX столетия. Наконец, Первая мировая война окончательно превратила немцев в военных противников.

С. В. Оболенская пришла к выводу, что образ немцев, сформировавшийся в культуре образованного общества, не совпадал с образом, возникшим в русской народной культуре. Исследовательница отмечает, что в отношении к немцам различие «своего» и «чужого» существовало, но образ врага отсутствовал. В представлениях простых русских людей о немцах соседствовали и пренебрежение, и уважение, и добродушная насмешка, и готовность к критике. По отношению к немцам были характерны добродушный юмор, спокойное признание существования рядом человека иного склада, чем свой, русский, и наивное убеждение в том, что русский народ обладает якобы чем-то, что выше и учености, и ловкости, и хитрости, и богатства. «Русские блоху подковали» – этим образом Лескова можно было бы выразить одну часть подобного строя мыслей. «Шапками закидаем» – это выражение годится, пожалуй, для другой его части, возникшей под влиянием встреч с пруссаками во время Семилетней войны. Хотя в разные периоды времени в представлениях о немцах среди крестьян и городского простонародья выделялись разные черты, в целом на протяжении столетия эти представления оставались неизменными, точно так же, как не изменялось и отношение к немцам¹.

Вопросы для самоконтроля

1. К какому периоду относится начало русско-германских связей?
2. В чем особенности образа России в трудах немецких просветителей?
3. Какие негативные стереотипы России сформировались в Германии в XVIII – XIX вв.? В чем причины их формирования?
4. Охарактеризуйте дихотомию образа немцев в России в XIX в.
5. Чем обусловлено, на ваш взгляд, несовпадение образа немцев в дворянской и народной культуре России?

¹ Оболенская С. В. Указ. соч. С. 27 – 52.

Глава 9. РОССИЯ И ПОЛЬША (X – XVIII вв.)

Ни с одним из западных соседей отношения России не были так сложны и противоречивы, как с Польшей. Их особенности и различные аспекты русско-польского взаимовосприятия изучены в работах Л. Базылева, Д. Карнаухова, Б. Флори, А. Филюшкина и др.¹.

Исторические хроники свидетельствуют, что разносторонние связи между поляками и русскими возникли с древнейших времен, чему способствовали этническое родство, географическая близость и взаимовыгодные торговые пути, соединявшие оба народа и открывавшие для них возможности отношений с Западной Европой, прибалтийскими славянами, Скандинавией, Византией и Ближним Востоком.

Древнерусская и древнепольская государственности складывались трудно и практически одновременно (IX – X вв.). Но конфессиональный выбор польских земель оказался иным: будучи отрезанным от Византии и ее влияния венгерским нашествием, король Мешко I и польская знать приняли христианство по западноевропейскому образцу (966 г.), заручившись тем самым покровительством Римского папы. В X – XII вв. русско-польские отношения осложнялись вспышками династических и междоусобных распрей. Однако на ранних этапах конфликты между Русью и Польским королевством не представляли долговременной тенденции и не носили идеологического характера, а принадлежность к разным духовным юрисдикциям не перевешивала чувства общей причастности к христианскому миру. Матримониальные связи Руси и Польши были настолько обычными, что подчас

¹ Базылев Л. Россия в польско-литовской политической литературе XVI в. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М. : Наука, 1976 ; Карнаухов Д. В. Формирование исторического образа Руси в польской хронографии XV – XVI вв. (Источники и историография исследования) // История и историки: историографический вестник / отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2006. С. 53 – 83 ; Он же. История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII в. Новосибирск, 2009 ; Флоря Б. Н. Русское государство и русский народ в оценке польских шляхетских публицистов XVI в. // Культурные связи народов... С. 251 – 261; Он же. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М., 1973 и др.

было трудно установить, к какому народу относится тот или иной князь или король – русскому или польскому.

В 30-е гг. XIII в. польские земли, так же как и русские княжества, подверглись монголо-татарскому разорению, одним из последствий которого стало усиление политической раздробленности и сокращение территории обоих государств. Если Русь потеряла южные и юго-западные земли (8 из 12 земель, на которые оказалась раздробленной Киевская Русь после 1132 г., различными путями оказались в составе Великого княжества Литовского), то польские земли оказались объектом притязания Тевтонского ордена, который захватил Восточное Поморье, отрезав Польшу от Балтийского моря.

Уже в первой половине XIV в. сложилось положение, которое подталкивало правящие круги Польши и Литвы к пониманию необходимости объединения для борьбы с общими противниками: Тевтонским орденом, Золотой Ордой и все возрастающей мощью Москвы. Кревская уния 1385 г. с Литвой, которая тогда владела почти всей Западной Русью, склонила литовскую верхушку к принятию католицизма и политически связала два государства узами личной унии.

С середины XIV в., когда обозначился упадок Золотой Орды, Польша стала проводить активную наступательную политику в отношении русских земель; польский король Казимир III Великий смог завоевать Червонную Русь с центром во Львове (1310 г.). Началась долгая борьба за земли из «древнерусского наследства».

Разумеется, эта война происходила не только на полях сражений, но и на интеллектуальном фронте, когда польские книжники пытались доказать права своей страны на русские земли. Так, краковский хронист Ян Длугош выдвигает в своих «Анналах» (1455 – 1480 гг.) идею о том, что киевские поляне – это на самом деле поляки, которые эмигрировали на восток из Польши после угасания рода Леха и начала междоусобиц. Таким образом, для краковского каноника Русь – это отколовшийся от Польши осколок, который необходимо было вернуть¹.

¹ Прохоренков И. А. Собирая древнерусское наследство: дискурсы истории и географии русских земель в хронографах XVI – первой четверти XVII в. и в

В числе основных порицаемых недостатков русских Я. Длугош выделял «схизматическую» религиозную ориентацию, отдаленность от католической Польши своей «верой и обычаям», а также развращенность русского народа, его приверженность «звериным обычаям». По мнению А. Гейштора, именно Я. Длугош создал в мышлении и восприятии польского господствующего класса основной стереотип русского соседа¹. Сочинение Я. Длугоша, считающегося к тому же своеобразным отцом польской исторической литературы, оказало большое влияние на формирование взглядов последующих поколений польских хронистов и историков.

Свои не менее обоснованные претензии на «древнерусское наследство» предъявляла и Москва. Эта задача была в известной степени решена в результате войн конца XV – начала XVI в., после которых Русскому государству были возвращены земли в верховьях Оки, Чернигово-Северское княжество, Смоленск. И хотя в 20 – 30-е г. XVI столетия военные действия между Россией и Польшей не возобновлялись, отношения между ними сохраняли напряженный характер и регулировались временными перемириями.

Закономерной реакцией на успехи Москвы стали сочинения польского ученого-гуманиста Матвея Меховского. Его «Трактат о двух Сарматиях» (опубликован в 1517 г.), сообщая о прошлом и настоящем Руси, изобилует искажениями фактов, историческими ошибками, недостоверной информацией. По мнению Ю. А. Лимонова, объясняется это тем, что автор преследовал более важную цель, чем достоверное изложение: обратить внимание Европы на Польшу и ее столкновения с Россией².

польско-литовском историческом нарративе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. История. 2017. № 2. С. 64.

¹ Гейштор А. Образ Руси в средневековой Польше // Культурные связи России и Польши. X – XX вв. М., 1998. С. 17 – 26.

² Карнаухов Д. В. История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII в. / науч. ред. А. Л. Посадсков ; Сиб. отд-ние Рос. акад. наук ; Гос. публичн. науч.-техн. б-ка ; Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2009. С. 67.

В этой связи необходимо отметить важную роль Польши и особенно ее господствующего класса в информационном обеспечении Европы сведениями о России. Польша как территориально самая близкая к России католическая страна исторически была основным источником информации о русских для Западной Европы. Развитие печатного дела позволяло издавать многочисленные сочинения о Московии, её быте и нравах большими тиражами, которые распространялись по всему Западу. Это была сильнейшая пропагандистская кампания, направлявшаяся Польшей и католической церковью, которой Россия ничего не могла тогда противопоставить. Массовое появление брошюр «разоблачительного», т. е. откровенно диффамационного характера о русском народе и его обычаях, Московском государстве и его правителях, превратило «Московию» в сознании западных обществ в «анти-Европу», страшную и очень опасную страну, соединяющую в себе все известные пороки человеческого рода. Важнейшее место занял чёрный миф об Иване Грозном.

Важным фактором русско-польских отношений в XVI в. стала Ливонская война (1558 – 1583 гг.). Начавшись как столкновение России с Ливонией и Великим княжеством Литовским, противостояние переросло в войну с Польшей, Швецией и Данией. В результате неудачных для Литвы военных действий в ходе Ливонской войны Польша осуществила новое наступление на русские земли. В один год (1569 г.) она аннексировала все южнорусские земли Великого княжества, а также его западные территории (Подляшье), после чего заставила поставленное на колени княжество заключить Люблинскую унию, по которой Польша и Литва объединялись в единое государство – Речь Посполитую. Фактически вся Западная Русь оказалась под польским управлением, на её территориях разворачивался процесс активной колонизации местной знати.

Попытка польского осмысления событий войны не заставила себя ждать: в 1564 г. в Кракове с дополнениями вышло переиздание «Всемирной хроники» Мартина Бельского. Перед нами предстает вариант польского мифа, который заключается в создании благородного

облика польского короля, заступающегося за подданных и не страшящегося злодеев. Ливония выглядит запутавшейся во внутренних проблемах, связанных с фигурой Вильгельма Бранденбургского. Способ выпутаться из них один – перейти под покровительство Польши, которая является гегемоном в регионе, а Москва предстает темной, злой, захватнической силой, наползающей на Прибалтику¹.

Характеристика развития русско-польского взаимовосприятия XVI в. была бы неполной без упоминания исторических сочинений М. Стрыковского и М. Кромера. Анализ этих хроник показывает, что формирование образа России в Польше XVI в. отмечено противоречивостью, поскольку для сочинений М. Стрыковского и М. Кромера характерно преодоление конъюнктурной неприязни к Руси.

Тем не менее к началу XVII в. образ России и русского народа был уже создан и закреплён в западном культурном сознании. Все русские земли получили в польской культуре наименование «Восток» («Wschód»). «Восток» для поляков – понятие, по сей день применимое только к России и нынешнему постсоветскому пространству. Для обозначения исламских или дальневосточных стран требуется добавление вроде «Ближнего Востока» или «Дальнего Востока». Само понятие «Восток» – важнейшее для всей западноевропейской культуры. «Восток» («Orient») – это сфера постижения принципиально низшего, окультуривания неправильного, другого, что уже тогда становилось основой формирования европейской колониальной идеологии. Этот общеевропейский концепт характеризовался общим стабильным списком эпитетов и характеристик (дикость, деспотизм, отсталость, грубость, жестокость, чувственность, пассивная тяга к подчинению и т. п.). «Восток» – понятие в данном случае не географическое, а культурное, основанное на «неискоренимом различии западного превосходства и восточной неполноценности». Интересно, что прежде на картах Европы Московское княжество обыкновенно обозначалось как

¹ Филлюшкин А. И. Первый польский отклик на ливонскую войну: переиздание 1564 г. «Хроники всего света» Мартина Бельского // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2012. Вып. 2. С. 68.

одна из европейских стран, но с конца XVI в. появилась граница Европы по восточным пределам Речи Посполитой – далее шла Азия, совокупная Тартария¹.

С конца XVI в. практически всем польско-литовским, а также живущим в Речи Посполитой иностранным авторам было присуще враждебное и резко отрицательное отношение и к России в целом, и к отдельным сторонам её жизни. В наиболее концентрированном виде такое отношение зафиксировано в сочинениях «польского немца» Павла Оденборна и «польского итальянца» Александра Гваньини. Характерной является прямая связь их сочинений с целенаправленной пропагандой, которую вела польская власть. Целью её было создание в Европе благоприятного мнения о польско-литовской короне и резко отрицательного – в отношении «невежественной» и «варварской» России. Объясняется это в первую очередь тем, что с этого периода Россия и Польша на ближайшие 100 лет превратились в важнейших и непримиримых геополитических соперников. Россия виделась польской знати пространством для освоения и подчинения, а русская культура – недостойной существования. Как известно, подобные планы едва не воплотились в реальность в период Смутного времени (1598 – 1613).

Но было бы упрощением сводить особенности формирования образа России исключительно к геополитическому соперничеству с Москвой и попытками получить поддержку в Европе. Необходимо отметить, что в XV – XVI вв. Польша переживала эпоху возрождения и гуманизма, – по общему признанию это был «золотой век» польской культуры. С XIV в. функционировал университет в Кракове (этот город был тогда столицей), созданный по образцу Парижского, в котором преподавал, например, сам Н. Коперник и было четыре факультета: теологический, юридический, медицинский и свободных наук. Огромную роль играли латинский язык, на котором писалось большинство сочинений, и античная традиция. Поэтому для многих польских авторов, воспитанных в традициях ренессансного гуманизма с пониманием свободы как основного свойства человеческой природы, социально-политические идеалы средневековой Московии были непонятны и рождали спонтанное отторжение.

¹ Неменский О. Б. Указ. соч. Вып. 5. С. 14.

Какой же виделась Польша в России? В «Повести временных лет» поляки уже отнесены к категории «не своих», но пока еще и не «чужих». Среди летописных рассказов о чужаках рассказ о польском короле Болеславе I содержит самый полный набор соответствующих мотивов. К главным признакам чуждости летописцы относили обычно уродливую внешность, как у Болеслава («череве толстое», «велик и тяжек»), странное поведение («яко и на кони не мог седети»). В то же время характеристику Болеслава летописец закончил неожиданной похвалой «но бяше смыслен», а этот эпитет в «Повести временных лет» прилагался только к своим. Бесы, смущающие праведных монахов Киево-Печерской лавры, изображаются в виде ляхов¹.

Но Польша не только отталкивала, но и привлекала прежде всего своими вольностями. Именно в Польшу бежал один из первых русских политических эмигрантов и оппонент Ивана Грозного Андрей Курбский. Курбский с уважением отзывается о верховенстве закона, который правит в Польше, тогда как Грозный с презрением оценивает короля Сигизмунда II, который «ничем сам не управляет, но хуже последнего раба – от всех получает приказания, а сам же никем не повелевает»².

В формировании образа Польши исключительно важную роль сыграли события Смуты конца XVI – начала XVII в., в ходе которых русские люди самым тесным образом буквально на бытовом уровне познакомились с жителями соседних государств: поляками, шведами, литовцами. В состав государева двора вошли поляки-секретари, поляки-послы, поляки-советники и т. д. Настоящим нашепствием поляков и литовцев стал приезд в Москву невесты царя Марины Мнишек. Ее многочисленные родственники и друзья были расселены по дворам многих знатных русских людей, что позволило им увидеть жизнь польских дворян изнутри, на бытовом уровне. Свадебные пиры дали возможность ознакомиться с внешней стороной чужеземных обычаев.

¹ Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI – XIV вв. С. 128 – 136.

² Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 156.

Уже само появление «чужих» в святых для православного человека местах – церквях, монастырях, расценивалось как их осквернение, а неподобающее поведение – как оскорбление веры, «безобразное наругательство и позоровство». Таким неподобающим поведением русские люди считали ношение крестов ниже пояса, сидение в церквях, прикосновение к гробам чудотворцев, «святым иконам наругахуся, ко гробам святых чудотворец опирахуся наругательно»¹.

Наибольшее возмущение у москвитов, по мнению автора «Сказания о Гришке Отрепьеве», вызывало поведение поляков во время свадьбы Лжедмитрия. «И внидоша за ним во святую церковь много ляхов и люторей, и римскаго закону капланове, и жены их бесчинствоваху во святой Божией церкви. И ляхове у святых образов приклоняся, спали и лежали во время святого пения, святые литоргия, а жены их бесчинствоваху в церкви Божия, иже не бе мощно зрети такие скверны и смрад от поганых беззаконий. Все это великая пагуба и погибель Христовой вере»². Из этого видно, лжецарь обвиняется прежде всего не в присвоении чужого имя и звания, а в том, что он позволял посягать на православную веру.

Отрицательное отношение к полякам первоначально было вызвано лишь тем, что они были другой веры и имели другие обычаи. Поэтому эпитеты в их адрес были самые бранные: «поганые и злокозненные еретики», «разорители веры христовой», «помраченный бесы темными» и т. д.

В «Новой повести», написанной в начале 1611 г., поляки и литовцы представлены уже не врагами православной веры, а «агарянскими полками», супостатами, которые намеревались покорить русскую землю. Возникновение образа поляков-захватчиков было обусловлено углублением польской интервенции: польский король осадил Смоленск, гетман А. Гонсевский вошел в Москву, шайки «лисовцев» разбойничали по всей стране. «Самый лютый супостат – польский король», который захотел «похитить веру православную и поставить под свою руку» русских людей.

¹ Морозова Л. Е. Образ «чужого» в представлении людей Смутного времени начала XVII в. // Россия и внешний мир: диалог культур : сб. ст. М., 1997. С. 25.

² Там же. С. 26.

Автор повести неоднократно подчеркивал, что польский король обладал крайне отрицательными качествами: «злонравным жестоким сердцем», был «многодушный губитель и злой разоритель великого государства». Сходными и крайне отрицательными характеристиками наделял автор повести всех поляков. Они и «враги-губители», и «богоотступники-кровопролители», и «разорители веры Христовой», и «первенцы сатанины», и «братья Иудины, душегубительные волки». Как видим, наряду со старыми обвинениями в разорении православной веры появляются и новые: автор осознавал, что поляки хотели погубить русских людей, «в работу и холопы поработити, нажитое пограбить... хотят нами овладети и покорити»¹.

Таким образом, мы видим, что образ «чужих», в данном случае поляков и литовцев, формировался у русских людей под влиянием разветвляющихся в стране событий и в период интервенции стал тождественен образу грабителя и разбойника, «злохищного волка и ненасытного кровожелателя». Несомненно, что он сложился под влиянием реальной ситуации в стране, когда польские отряды оккупировали территорию России.

Несмотря на «польское разорение» начала XVII в. и открыто враждебные взаимоотношения, Речь Посполитая и во второй половине XVII в. оставалась государством, с которым Россия активно продолжала контакты. Интенсивность межгосударственных русско-польских связей в указанный период иллюстрируется Д. В. Лисейцевым, который, анализируя деятельность Посольского приказа, выявил следующую динамику: до Смуты книги о связях Московии с Польшей составляли около четвертой части от общего числа книг (5 из 21), в начале XVII столетия – около 30 %, а в 1620 – 1635 гг. – более 50 %². Русско-польские отношения второй половины XVII в. отличались противоречивостью, и их характер не следует сводить только к военному противостоянию. Во второй половине XVII в. Речь Посполитая сыграла огромную роль в распространении европейского влияния и проникновении западных инноваций в Россию, что подготовило почву для модернизации начала XVIII в.

¹ Морозова Л. Е. Указ. соч. С. 28.

² Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 229.

Присоединив восточные территории Речи Посполитой, Московское государство получило образованных и, что очень важно, принадлежавших к православной культуре ученых монахов, которые исправляли богослужебные книги, проповедовали, своими трудами способствовали литературной популяризации европейского знания, обучали подростков из знатных домов, одним словом, вели разностороннюю просветительскую деятельность.

Во второй половине XVII в. по приглашению царского двора в Москву в качестве учителей, переводчиков, справщиков прибывали десятки украинских книжников (Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Стефан Яворский и др.). В высших кругах московской знати не редкостью было знание польского языка и наличие в библиотеках книг на нем. Польский язык знал царь Алексей Михайлович, латинский и польский языки учили его дети под руководством С. Полоцкого. Постепенно польское влияние охватило все сферы общественной жизни: государственное управление, воинскую организацию, законотворчество, образование, архитектуру, моду, культ и т. д. В царствование Петра I польское влияние уступает место немецкому, хотя интерес к польской истории и культуре сохраняется.

Начало XVIII в. стало для России временем масштабных преобразований и внешнеполитических успехов, а для Речи Посполитой – началом глубокого внутреннего кризиса. На протяжении всей первой половины XVIII в. Россия вела сначала военную, а затем и политическую экспансию в балтийском регионе. Переживая глубокий внутриполитический кризис, Речь Посполитая была не в состоянии противостоять этому, отказавшись сначала от прав на Инфлянты (одно из польских воеводств), а потом и от вассальных прав на Курляндию. Следствием дальнейшего геополитического развития Российской империи и Восточной Европы стали три раздела Польши между ее более могущественными соседями: Россией, Австрией и Пруссией (1772, 1793, 1795 гг.). Поэтому неудивительно, что польско-литовская публицистика и польская историография XVIII – XIX вв. в целом сохранила негативные оценки России, а образ русских как недругов поляков еще более укрепился.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите факторы исторического развития, сближавшие и разобщавшие Россию и Польшу.
2. Как борьба за земли «древнерусского наследства» влияла на русско-польские отношения и взаимовосприятие двух народов?
3. Почему именно Речь Посполитая с XVI в. выступала главным ретранслятором образов России в Европу?
4. Когда сформировался «образ чужих» в восприятии поляков русскими? С какими событиями было связано его формирование?
5. Какую роль сыграла Польша в распространении европейского влияния в России во второй половине XVII в.? В чем оно выразилось?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важность проблематики, к которой обращаются авторы книги, очевидна. Глобальный характер современной цивилизации, острые проблемы, возникающие в процессе межкультурной коммуникации, обусловили актуальность изучения межкультурного диалога России и Европы. Необходимость развития имагологических исследований связана также и с тем, что кросс-культурный диалог выдвигается на роль важнейшего фактора реальной политики будущего. Выпускнику современного вуза для успешной профессиональной деятельности необходимо ориентироваться в основных тенденциях мирополитического развития, знать особенности контактов Российской Федерации с зарубежными государствами, понимать механизмы формирования образов стран и народов.

При написании пособия ставилась задача дать учащимся необходимый объем сведений, предусмотренных учебной программой дисциплины «Россия и Запад: история взаимовосприятия» студентам бакалаврита направления подготовки 41.03.05 «Международные отношения».

При изложении материала был учтен тот факт, что в небольшом учебном пособии невозможно рассмотреть все вопросы имагологии одинаково полно, поэтому ряд специфических профессиональных проблем не затрагивался, а верхняя хронологическая граница книги доведена до 1914 г. Кроме того, теоретические основы изучения проблем межкультурных коммуникаций еще находятся в стадии формирования, что требует постоянной актуализации знаний. Студентам рекомендуется обратиться к специализированной учебной литературе и интернет-ресурсам. Большое внимание должно быть сосредоточено на организации индивидуального научного пространства студента.

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Вульф, Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения : пер. с англ. / Л. Вульф. – М. : Новое лит. обозрение, 2003. – 548 с. – ISBN 5-86793-197-8 (в пер.).

2. *Кон, И. С.* Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предрассудков) [Электронный ресурс] / И. С. Кон // Новый мир. – 1961. – № 10. – С. 187 – 205. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Kon_pdf.pdf (дата обращения: 05.11.2021).

3. *Лабутина, Т. Л.* Англичане в допетровской России / Т. Л. Лабутина. – СПб. : Алетейя, 2011. – 268 с. – ISBN 978-5-91419492-2.

4. *Лабутина, Т. Л.* Британцы в России в XVIII веке / Т. Л. Лабутина. – СПб. : Алетейя, 2014. – 352 с. – ISBN 978-5-91419-890-6.

5. *Лапина, Н. Ю.* Образ России во Франции / Н. Ю. Лапина // Россия и современный мир. – 2007. – № 4. – С. 90 – 109.

6. *Неменский, О. Б.* Русофобия : аналит. обзоры РИСИ / О. Б. Неменский ; под ред. д-ра социол. наук И. А. Романова ; Рос. ин-т стратег. исслед. – М. : РИСИ, 2014. – Вып. 5. – 48 с. – ISBN 978-5-7893-0209-5.

7. *Оболенская, С. В.* Германия и немцы глазами русских (XIX век) / С. В. Оболенская ; Рос. акад. наук ; Ин-т всеобщей истории. – М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2000. – 209 с. – ISBN 5-94067-004-0.

8. Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. – М. : Индрик, 2000. – 272 с. – ISBN 5-85759-119-8.

9. Россия и внешний мир: диалог культур : сб. ст. / отв. ред. Ю. С. Борисов ; Рос. акад. наук ; Ин-т рос. истории. – М. : ИРИ, 1997. – 286 с. – ISBN 5-201-14749-6.

10. Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. – М. : РАН, 2000. – ISBN 5-8055-0043-4.

11. Россия между Западом и Востоком: традиции и перспективы развития диалога культур / отв. ред. Т. Л. Лабутина. – М. : ИВИ РАН, 2021. – 418 с. – ISBN 978-5-94067-520-4.

12. «Свой»/«Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России / отв. ред. Т. Л. Лабутина. – СПб. : Алетейя, 2019. – 498 с. – ISBN 978-5-907189-75-1.

13. «Свои» и «Другие»: взаимодействие и восприятие культур Запада и России (К юбилею Виктора Леонидовича Малькова) / отв. ред. Т. Л. Лабутина. – СПб. : Алетейя, 2020. – 468 с. – ISBN 978-5-00165-177-2.

14. «Свои»/«Другие»/«Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. – СПб. : Алетейя, 2021. – 596 с. – ISBN 978-5-00165-371-4.

15. *Фогель, А. С.* Древняя Русь в представлениях зарубежных средневековых авторов (IX – конец XIII в.) [Электронный ресурс] : монография / А. С. Фогель. – Самара : Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2015. – 205 с. – ISBN 978-5-94622-568-7.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Имагология как направление исторической науки.....	4
Глава 2. Подходы к изучению «образа Другого».....	13
Глава 3. Средневековая Европа и Русь: зарождение контактов и формирование «образа Другого».....	21
Глава 4. Русские земли между Востоком и Западом (ХІІІ – ХV вв.).....	30
Глава 5. Формирование дихотомии «Запад – Восток» (ХV – ХІХ вв.).....	40
Глава 6. Россия и Британия в ХVІ – начале ХХ в.....	50
Глава 7. Россия и Франция в Новое время.....	60
Глава 8. Россия и Германия (Х – ХІХ вв.).....	71
Глава 9. Россия и Польша (Х – ХVІІІ вв.).....	80
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	91
РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	92

Учебное издание

ГОЛУБКИНА Татьяна Михайловна
КОВАЛЕВ Максим Александрович

РОССИЯ И ЕВРОПА: ИСТОРИЯ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ

Учебное пособие

Редактор А. П. Володина
Технические редакторы Ш. В. Абдуллаев, Н. В. Пустовойтова
Компьютерная верстка Е. А. Кузьминой
Выпускающий редактор А. А. Амирсейидова

Подписано в печать 19.10.22.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 5,58. Тираж 40 экз.

Заказ

Издательство

Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.